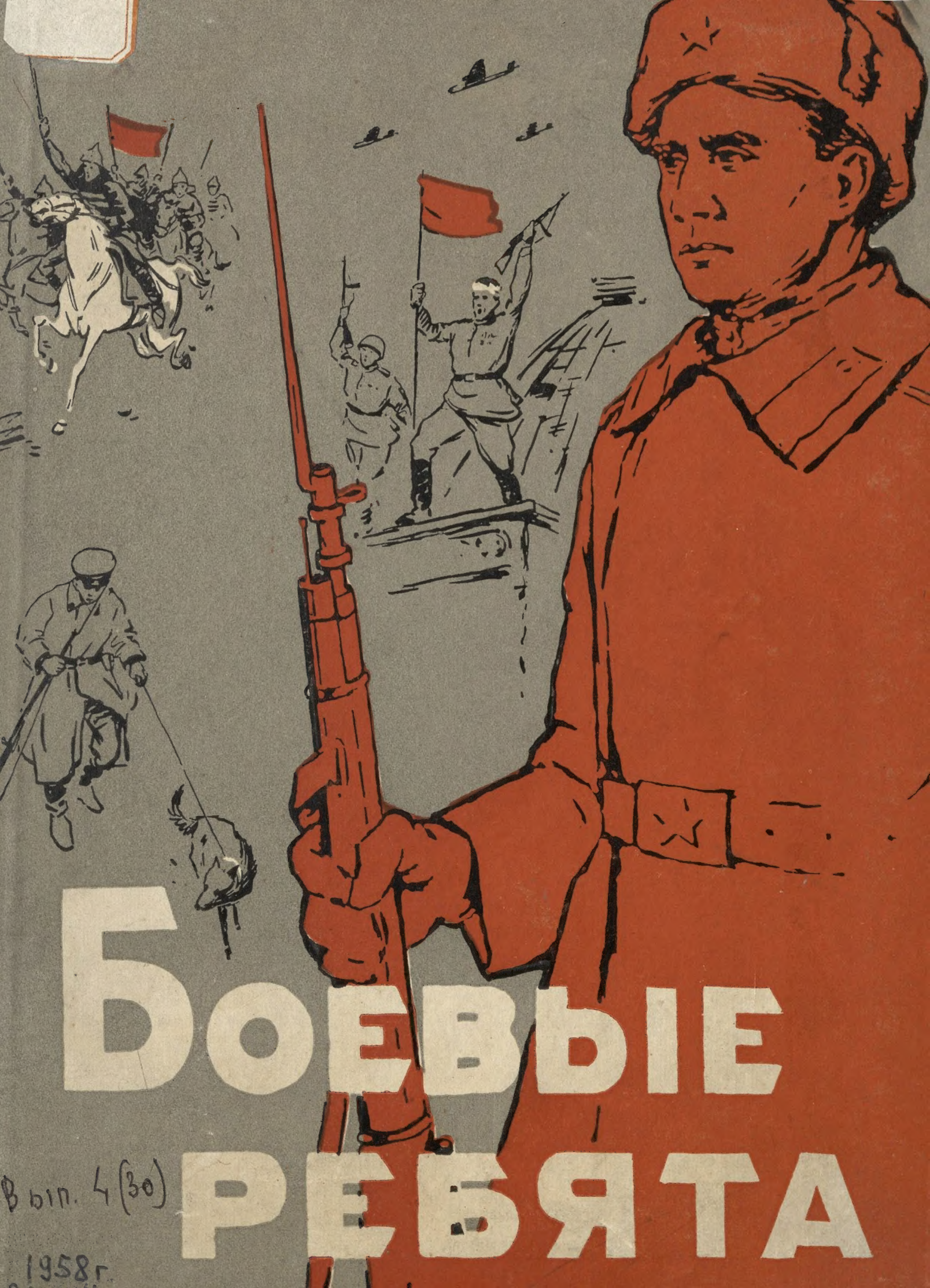


Боевые ребята

В вып. 4 (30)
1958 г.

СБ
Б75

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
СБОРНИК ДЛЯ ДЕТЕЙ

БОЕВЫЕ РЕБЯТА

114354

ВЫПУСК ЧЕТВЕРТЫЙ (30)

Детская Центральная Библиотека
г. Свердловск

СВЕРДЛОВСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1958

Родная АРМИЯ

Михаил НАЙДИЧ

Двадцать третье число —
Праздник твой!

Ты под Нарву уходил,
Старший брат,
Был оружием отряд
Небогат.
Но на свете не найти,
Помнил ты,
Справедливее твоей
Правоты.

Время мчится,
Пыль клубится —
Прямо в бой
Вылетает под Царицын
Полк лихой.
Не забуду я,
Что сорок лет назад
Вырвал молнию из ножен
Старший брат!
Никогда не падал духом,
Весел был.
Хлебную жевал краюху,
Воду пил.
Он в тифозных лазаретах
Выживал.
И опять рубил бандитов
Наповал!

1

Двадцать третье число,
Снег, поля...
Двадцать третье число
Февраля.
Двадцать третье число,
Первый бой,

...Бой победою закончен,
Край спасён.
Над Россией в небе синем
Шёлк знамён!
Над развалинами встала
Тишина...
Это кончилась
Гражданская война.

2

Я родился в Приднепровье,
Поднимался и мужал,
И вздыхал, и хмурил брови:
— Эх... родиться опоздал!

Подсказать ты не сумела
Мне, днепровская волна:
— Хватит боевого дела
И на твой-то век сполна!

Помню:
В синей безрукавке,
Загорелый мальчуган.
Говорю, прошу: «Направьте
Прямо в битву на Хасан!

Там дерутся наши братья,
Там сражения разгар!»
Нет, у нас в военкомате
Был упрямый комиссар.

— Что с того, что мне
тринадцать,
Ведь, товарищ комиссар,
В эти годы шли сражаться
И Корчагин, и Гайдар!

Комиссар вздыхает, хмурый,
Теребит усы рукой:
— Ты мне брось литературу,
Ты, сынок, ступай домой!

...А потом трубили трубы,
Подошёл и мой черёд:
Сорок первый,
Сорок трудный,
Сорок незабвенный год!

В солнцепёк и в злую осень
Наша юность шла с ружьём,
Как взрывной волной, отбросив
Благодушие своё.

В дождь,
В трескучие морозы
Я ходил во вражий тыл.
Еле сдерживая слёзы,
Сослуживцев хоронил.

На висках в тот час суровый
Вдруг блеснуло серебро...
Но об этом нет ни слова
В сводках
Совинформбюро.

Я упрямою походкой
Шёл к Берлину, сжав в руке
Знамя —
Кровь отцов, погодков —
На продымленном древке.

А на Волге, в Приднепровье,
Младший брат мой подрастал,
И вздыхал, и хмурил брови:
— Эх... родиться опоздал!

И опять ты не сумела
Подсказать ему, волна:
— Хватит, мол, большого дела
И на твой-то век сполна!

3

В ряды армейские стальные
С единым помыслом
«Вперёд!»
Солдаты встали молодые,
Ещё неопытный народ.

Ещё на гимнастёрках складки,
Ещё и выправки-то нет,
Ещё не туго сбиты скатки,
А всё ж — солдаты!..
В чём секрет?

Наверно помнишь,
Брат мой старший:
Услав машину,
Прямо к нам
Ты, побледневший и уставший,
Захаживал по вечерам.

От папирос дымок клубится,
И ты, чуть распахнув бушлат,
Внезапно вспомнишь свой
Царицын,
А я припомню Сталинград.

А тут же рядом, на корзине,—
Как будто стул найти не мог —
Сидит, вздыхает, рот разинув,
Наш необстрелянный браток.

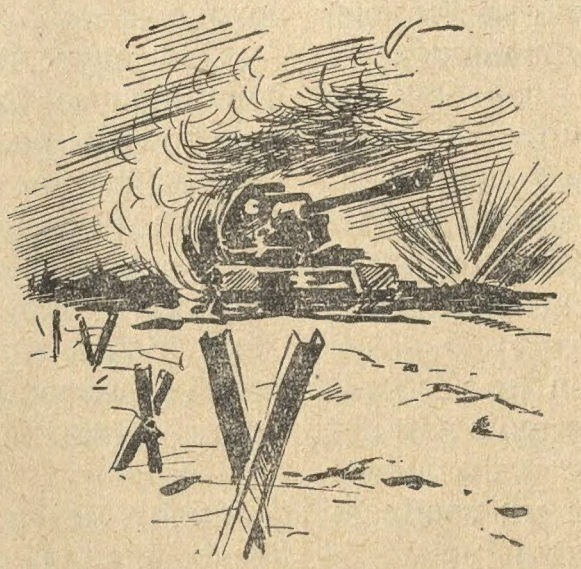
Наверно, парень, засыпая,
Увидит поле, сизый дым,

И будто в поле сам Чапаев
Стоит с Олегом Кошевым.

И вот теперь,
Простившись с нами,
Встал младший брат
в солдатский строй.
Над ним взлетело то же Знамя,
Что и над нашей головой.

И на посту теперь стоит он,
Всегда идти готовый в бой.
Ведь он же партией воспитан,
Той самой, что и мы с тобой.

И мы с ним рядом.
Брови хмурим.
Над головой — восхода медь...
Пусть знает враг,
Коль грянет буря,
С кем будет дело он иметь!



СЛЁТ ВНУКОВ

Александр ИСЕТСКИЙ

В ПУТИ

Размеренно постукивая на стыках рельсов, поезд стремительно несётся меж уральских лесистых гор. То взбегая на их склоны, то скатываясь в прохладные долины, он неожиданно ныряет в темень тоннелей и, вновь вырвавшись на простор, пересекает серебристые горные речушки, спешит и спешит по извилистым лесным зелёным коридорам. То справа, то слева из лесного моря встают, как дозорные, высоченные уральские вековые лиственницы.

В одном из вагонов по-особому шумно и весело. В нём едут загорелые крепыши, ловкие и пытливые следопыты, увешанные многообразным походным снаряжением.

На багажных полках — самая драгоценная кладь: всевозможные коллекции, находки неутомимых краеведов, огромные планшеты, фотоальбомы, дневники туристских походов.

Это едут на Слёт внуков экспедиционные отряды свердловских пионеров и школьников — туристы географического общества «Глобус» Дворца пионеров, следопыты клуба «Турист» и юные краеведы Нижне-Исетска.

В длительных походах по местам отгремевшей почти сорок лет назад гражданской войны прошли они многие десятки километров, собирая материалы и записывая воспоминания о боевых подвигах

уральских полков, красногвардейских и партизанских отрядов, боровшихся за власть Советов на Урале.

Внуки героических участников гражданской войны, свердловчане, челябинцы и пермяки, договорились встретиться сегодня в горах Среднего Урала, в глухом Палёном Логу, где в 1918 году шли ожесточённые бои с колчаковцами и где погиб окружённый врагами бронепоезд № 2— «Деменёвец».

В вагоне с ребятами едут на слёт два ветерана гражданской войны на Урале: командир 3-й бригады 26-й стрелковой дивизии Иван Платонович Варышев и военный комиссар Отдельного батальона 2-го Пермского полка Николай Афанасьевич Полуэктов. Оба деда убелены сединой, но через сетку морщин их лица светятся радостными улыбками, лучатся, глядя на внуков, добрыми взглядами.

— Очень памятны для меня здешние места,— говорит Николай Афанасьевич.— В восемнадцатом году много тут горных дорог да троп было исхожено. Ну-ка, ребятки, может, у кого есть карта?

Нашлась, конечно, у юных туристов карта родного края. И бывший боевой комиссар торопливо раскинул её.

— Вот видите, как тут густо расположены разные заводы и рудники. Исстари здесь был самый рабочий край. Народ дружный, надёжный, смелый. Недаром и многие красные полки и отряды носили названия здешних заводов и городов: Мотовилихинский, Кизеловский, Лысьвенский, Горный, Екатеринбургский, Чусовской... Наш полк назывался вторым Пермским. Так вот особо памятны мне бои в районе Кына, вот в этом треугольнике. Пытались тут белые прорваться на горнозаводскую железнодорожную линию, перехватить её. Нашему отдельному батальону и Лесновско-Выборгскому пехотному полку была поставлена задача — выбить белых из захваченного ими Кыновского завода... Видите, стоит он на реке Чусовой... А потом выбить беляков и со станции Кын. До станции тут будет, наверное, километров до десяти.

Обсудить план операции собрались мы, командиры и комиссары частей, в небольшой деревеньке около Коноваловского завода. Лесновско-Выборгским полком командовал молодой, энергичный питерец, товарищ Захаров. И весь полк у него был питерским, прибыл он помогать нам отстаивать наш уральский край. Так вот, обсудили мы донесения нашей разведки и как расположить наши боевые порядки. Дело в том, что колчаковцы стянули сюда крупные силы с большим офицерским составом, ну и вооружением они были нас побогаче. А у нас, вернее, у питерцев, было только две пушки. Действовать надо было умело и хитро, а главное — внезапно. Всё это было зимой, кругом страшенные снега, не сунешься, как летом, по любой лесной дорожке. Ноябрь шёл. Морозы. Пурга.

И вот ранним утром седьмого ноября подошли мы скрытно к Кыновскому заводу с разных сторон. Ударили, как будто нас несть числа

было. Застала наша атака колчаковцев врасплох, и мы бы их ловко выбили из завода, но была у них сильная позиция на Мёрзлой горе, откуда простреливалась вся местность. Тогда мы яростным броском по снегам атаковали эту гору. Захлебнётся одна атака, поднимаем бойцов на вторую, третью. А цепи наши всё редеют и редеют. Но выхода другого не было, как только взять Мёрзлую во что бы то ни стало.

И что бы вы думали? Когда мы, озлобленные донельзя, ворвались на эту неприступную гору, то увидели, что ихние пулемётчики, которые поливали нас на склонах свинцовым дождём, прикованы к пулемётам цепями! И сбёг бы, да прикован! Бейся, выходит, до последа. Вот как колчаковская офицерня принуждала воевать своих солдат...

Николай Афанасьевич умолк, взволнованно глядя поверх ребячьих голов в вагонные окна, за которыми зелёным морем раскинулись уральские дремучие леса.

— А как же Кыновский-то завод... вы взяли тогда?— несмело спросил кто-то из притихшего круга ребят.

Николай Афанасьевич тепло оглядел «своих внуков», улыбнулся:

— Взяли, конечно, ребятки! Да ведь на том наши бои не кончились. Доскажу, как на Кын приедем. Давайте вы расскажите о своих походах: где побывали, с кем повстречались из участников гражданской войны?

Белоголовый паренёк с жадно-пытливыми глазами Володя Мишихин из клуба «Турист» живо откликнулся на вопрос:

— А мы вот в последнем походе, в июне, неожиданно встретились с замечательным дедом. Было это в посёлке Вьюшкинского лесоучастка около Верхней Салды. Зашёл этот дед в дом, где мы остановились, поинтересовался, зачем это мы в их глухомань нагрянули? Такой низенький, но коренастый, крепкий. Глаз не разглядишь — заросли бровями, обкуренные седые усы, а борода бритая. «Я, говорит, тоже повоевал».

И оказался он матросом с «Авроры»— Бызов Афанасий Никитич. Участвовал он в боях и на бронепоезде № 2, но не до конца. Перевели его в ЧК[1]. Говорит, с Дзержинским работал.

В другой группе ребята, волнуясь, читают пожелтевшие, обтрёпанные, но дорогие страницы фронтовых уральских газет 1918 года: «Окопная правда» и «Красный набат». С их страниц на ребят дохнула суровая, полная смертельной опасности боевая жизнь их дедов, картины отчаянных схваток с озверевшим врагом.

— Ребята!— раздаётся обрадованный возглас.— Слушайте, вот тут напечатана песня «Красных Орлов».— И паренёк восторженно читает:

Грянем песню удалую,
Грянем, красные орлы,
Нашу песню боевую
Про победу впереди...

...Размеренно постукивая на стыках рельсов, поезд стремительно несётся вперёд. Вечереет. Ребята

[1] Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией.

стоят у окон, подставив свои головы под бодрящую свежесть мягкого ветерка. Они глядят, сосредоточенно-задумчивые, на темнеющие силуэты горных цепей своего родного края, на вспыхивающие россыпью огней заводы и рабочие посёлки. У одного из окон, дружески обнявшись, два паренька тихо, задушевно поют:

По долинам и по взгорьям
Шла дивизия вперёд...

В МЕСТАХ БЫЛЫХ БОЁВ

Доброе раннее утро встретило наш поезд на подходе к станции Кын.

Николай Афанасьевич Полуэктов пристально вглядывается из окна вагона в лесистые горные кряжи.

На лестничном марше к станционному зданию он стоит некоторое время, задумчивый и молчаливый, оглядывая знакомый посёлок.

— Много здесь, ребята, народу погибло,— говорит он тихо.— Несколько раз эта станция переходила из рук в руки. Белогвардейцы цепко держались за неё.

Сосредоточенно помолчав, он указал на железнодорожный путь, уходящий на запад.

— Наш батальон ворвался вон оттуда. Наступали мы после взятия Кыновского завода от Кумыша. В посёлке, на телеграфных столбах, повешено было много наших бойцов-мадьяр, захваченных колчаковцами в плен. Хотели, изверги, видимо, устрашить нас, да только просчитались. Ещё большей ненавистью к врагу загорелись бойцы. Похоронены наши боевые товарищи здесь, в братской могиле. На обратном пути зайдите, поклонитесь им...

Гудок паровоза зовёт ребят в вагон. Через два перегона Палёный Лог — место слёта.

Начальник свердловской группы Павел Истомин проверяет готовность отрядов к быстрой высадке, поезд остановится у казармы 48-го километра только на две минуты.

На обширной весёлой поляне, расцвеченной яркими флажками, уже раскинулся туристский палаточный городок. Это палатки пермяков, приехавших ещё вчера вечером.

Через красочную арку с дружеским призывом «Добро пожаловать!» свердловские туристы походной цепью входят на лагерную территорию. Их встречает начальник слёта, ветеран гражданской войны товарищ Морзо-Морозов. Свердловчанам указывается место, и проворные ребячьи руки ловко раскидывают другие зелёные шатры.

Ветераны-свердловчане поспешно идут к вековой могучей пихте, под крышей которой они ещё издали приметили своих однокашников — боевых соратников.

Крепкие братские объятия.

— Ой, браток, и давно же мы с тобой не виделись!

— А ты всё ещё орлом глядишь!

— Ну нет, знаешь, годки-то наши дают себя знать.

— А ты помнишь?..

И между боевыми друзьями

вспыхивают торопливые беседы-воспоминания о былых ратных встречах, о погибших товарищах.

— А где же братская могила?— спрашивают ребята.

— Пришлось похоронить красных бойцов вон там, в логу,— рассказывает житель деревни Палёный Лог, Аввакум Прохорович Шумков. Время-то было зимнее. Декабрь шёл. Земля промёрзла. Бить могилу было некому. Деревенский народ разбежался — бои тут у нас были страшенные. Наши отступили в те поры, как бронепоезд-то погиб. Ну, а белякам, поди-ка, не очень-то нужно было чужих захоранивать. Подобрали мы тогда с одним тоже нашим мужиком Павлом всех побитых на этом поле и перевезли в блиндаж в логу. Ну, и стал им тот блиндаж братской могилой...

Заросшая малоприметная лесная дорожка спускается в глухой таёжный лог. На бугре, под сенью могучих пихт и берёз, могила героев палёновского боя. Новая оградка, красная пирамида со звездой, надпись...

В скорбном молчании вокруг могилы погибших дедов стоят их внуки и поседевшие боевые товарищи.

ПРАЗДНИК В ПАЛЁНОМ ЛОГУ

Никогда ещё палёный Лог не видал такого скопления народа. Обширная покатая поляна от деревушки до железнодорожного полотна пестреет разноцветными костюмами туристов-школьников, многочисленных гостей слёта из Перми, Лысьвы, Чусового, Кына и окружающих посёлков и деревень. По меньшей мере полторы тысячи человек собралось в Палёном Логу!

Повсюду полыхают костры. Из котелков разносятся дразнящие запахи супов, каш и походных скороварок. Над поляной не смолкают говор и песни. Сияя под солнцем медью труб, играет духовой оркестр.

Туристы разных отрядов ходят друг к другу в гости, беседуют о совершённых походах, собранных боевых реликвиях.

Восторженно оглядывает поляну колхозница из деревушки Палёный Лог Ефросинья Максимовна Ярыгина.

— Впервые в моей жизни у нас такой праздник! В гражданскую-то войну я такой же малолетней была, как эти внучата. Ох, и натерпелись мы тогда страху! Смертная пальба кругом. По лесам мы прятались. А вот им, гляди-ко, какую радостную жизнь красногвардейцы завоевали... Шустрые да весёлые нынче ребята. Хорошо, что погибших тут дедов не забыли — собрались память их почтить...

Да, внуки не забыли своих дедов. В походах по местам былых боёв они тщательно искали и собрали огромный исторический материал о гражданской войне на Урале. На широкой многометровой брезентовой ленте свердловские экспедиционные отряды бережно разложили свои драгоценные находки.

Эту выставку осмотрели все участники слёта и сотни гостей. Ре-

бята и взрослые, тесня друг друга, становились на колени, чтобы поближе рассмотреть, потрогать руками боевое оружие, кожаную куртку комиссара, своими глазами прочесть изветшалые листки боевых приказов и донесений.

Но вот над шумным палаточным городком, над лесистым логом прозвучал призывный зов пионерского горна.

Стройными рядами, подтянутые, сурово сосредоточенные, выстраиваются тридцать экспедиционных отрядов уральских внуков — семьсот горячих, закалённых в походах ребят.

Под звуки походного боевого марша из-под вековой пихты идёт сдвоенная строгая шеренга дедов — ветеранов гражданской войны. Тысячи глаз устремлены на славных участников беспримерной героической битвы. Раздаётся громкое ребячье «ура!»

Горнисты играют «подъём флага», и алое полотнище взлетает над мачтой слёта высоко в небо.

Командиры отрядов рапортуют начальнику слёта Константину Алексеевичу Морзо-Морозову о прибытии на Слёт внуков. Звонко и торжественно звучат на поляне молодые голоса:

— Отряд Дворца пионеров города Перми...

— Отряд Дворца пионеров Свердловска...

— Отряд школы Нижне-Исетска...

Начинается волнующая перекличка боевых частей. Один из старейших ветеранов, начальник отряда Особого назначения Владимир

Иванович Носов в напряжённой тишине, взволнованно, чуть дрожащим голосом, вызывает:

— 17-й Петроградский полк! Командир полка Коняев!

Из шеренги ветеранов раздаётся:

— Есть 17-й Петроградский полк! — и чётким парадным шагом боевой командир полка подходит с воинским приветствием к командиру переклички.— Наш полк,— рапортует он чеканно,— прибыл на Урал в 1918 году и вступил в бой с колчаковцами под Нижним Тагилом...

Краткий перечень боевых операций полка, братское рукопожатие и следующий вызов:

— 22-й Краснознамённый Кизеловский полк!

— Интернациональный отряд китайцев, корейцев, мадьяр!

— 3-я бригада 26-й стрелковой дивизии!

— 8-й Уральский стрелковый полк!

— Есть 8-й Уральский стрелковый полк!— отзывается молодой крепкий голос, но из шеренги ветеранов выходит, опираясь на трость, убелённый сединою дед с раздвоенной бородою, прикрывающей всю его грудь.

— Командир полка Соляров!— рапортует он.

Лысьвенский доброволец Иван Иванович Соляров прошёл славный боевой путь, и ребята жадно слушают его скупой, но волнующий рапорт.

Один за другим отрапортовали

слёту боевые деды о ратных подвигах их частей и отрядов.

— Смирно!— раздаётся команда.

С каменной глыбы падает белое покрывало. На сером суровом уральском граните — чугунная мемориальная доска:

«Этих дней не смолкнет слава!..
Здесь в 1918 году в борьбе с интервентами и белогвардейцами героически погибла команда бронепоезда № 2 Особой бригады Красной Армии.
Вечная слава героям гражданской войны!»

О гибели бронепоезда рассказывает Иван Петрович Ермаков:

— Вот здесь, на этих ста метрах пути,— показывает он на железнодорожное полотно,— бронепоезд вёл свой последний бой. Был он построен чусовскими рабочими, оснащён моряками с крейсеров «Аврора» и «Рюрик». Командиром его был Иван Деменёв. Бронепоезд не раз окружали враги, но, громя их, он оставался невредимым. И вот 29 ноября 1918 года бронепоезд сдерживал здесь натиск свежих сил колчаковцев. Лыжники врага зашли ему в тыл и дважды разбирали путь, но отважные матросы под вражьим огнём восстанавливали его, и бронепоезд вновь вырывался из окружения. Но колчаковцам удалось ещё раз зайти в тыл и, не разбирая пути, только выдернуть костыли на стыках рельсов. Паровоз сошёл с рельсов, и команда приняла тут последний бой. Иван Шерстобитов приказал оставшимся в живых покинуть бронепоезд и прорываться. Сам он приник к пулемёту. Матросы оставили поезд и в ру-

копашном бою пробирались через окружение. А Шерстобитов, не желая попасть в руки врага и отдать ему грозную стальную крепость, взорвал бронепоезд «Деменёвец» и геройски погиб вместе с ним.

Затаив дыхание, слушают дети.

— Но, несмотря на эти тяжёлые жертвы,— говорит Иван Петрович,— мы разгромили врага, отстояли родной Урал.

Внуки повязывают дедам пионерские галстуки, преподносят цветы, именные подарки. Гремит музыка в честь ветеранов.

Из рук секретаря Пермского горкома ВЛКСМ В. Серова экспедиционные отряды получают шёлковые синие вымпелы с названиями героических полков, чью боевую историю им поручается исследовать в предстоящих походах и с честью носить их имя.

Восторженно встречают участники слёта вручение вымпела 28-й и 30-й стрелковых дивизий группе китайской молодёжи, приехавшей на слёт. Это их отважные деды ещё в годы гражданской войны кровью своей скрепили нерушимый братский союз с великой Страной Советов.

Свердловским отрядам вручаются вымпелы полков: Малышева, Путиловского, 3-го Екатеринбургского и 2-го горного полка. От имени свердловских туристских отрядов староста отряда «Глобус» Валя Чазова даёт торжественное обещание ко II Слёту внуков, который состоится в 40-ю годовщину освобождения Урала от Колчака, глубоко изучить историю 28-й и 29-й стрелковых дивизий и привлечь к этому благородному делу всех школьников Свердловской области.

Снова звучит боевой марш — участники слёта расходятся к своим палаткам, где их ждёт полевой походный обед.

С наступлением густых лесных сумерек на поляне один за другим вспыхивают пионерские костры. И уже почти в уральскую тёмную полночь над таёжным лесом стремительно взвивается ракета, рассыпающаяся в созвездие ярких уральских самоцветов.

Через два года на этой обширной поляне, в Палёном Логу, вновь встретятся уральские внуки и боевые деды. Уральские ребята! Вы пытливый и непоседливый народ. Вы любите свой родной край. Создавайте в каждой школе туристские отряды, в увлекательных походах изучайте родные места, места былых боёв ваших дедов, собирайте их воспоминания, и на Слёт внуков в 1959 году вы придёте с ценнейшими материалами по истории родного края.

„Этих дней не смолкнет слава"

Е. ТРУТНЕВА

Долины и леса Уральских гор...
Покой и тишина стоят на страже.
Вокруг такая ширь, такой простор,
Что дух захватывает даже!
На этом месте, много лет назад,
Геройский подвиг просто совершая,
Взорвал свой бронепоезд наш отряд —
Сыны России и сыны Китая.
Он был созданьем их рабочих рук,
Грозой белогвардейцев на Урале...
Сегодня весь в цветах уральский луг,
Прозрачны и ясны живые дали.
Сегодня ожил вновь Палёный Лог,
Шумят и гнутся под ногами травы...

Подхватывает песню
ветерок
Про то, что давних дней
не смолкнет слава.
Сегодня встреча дедов и внучат,
И песни пионерские и горны
Так звонко, так торжественно
звучат,
Как будто слышит их весь мир
просторный.
На шею старика —
героя Октября —
В июльский день
сверкающего лета
Ложится галстук алый,
как заря,
Рукой девчурки бережно
надетый.

Но... что он видит и куда
глядит?!
Как в боевом строю подтянутый
и строгий!
Не бой ли, что Отчизной не
забыт?
Не прежние ли, давние дороги?
Зима... зима... Свирепый вой
пурги...
Врагом разобран путь... Былая
повесть!

Кольцо врагов... Сильны и злы
враги!..
И... взорванный героем
бронепоезд.
Девчурка смотрит в странные
глаза,
Не понимая, что же, что
случилось?!
И видит, как прозрачная слеза
На красный галстук со щеки
скатилась!

Солдаты впереди

Виктор СТАРИКОВ

Серёжка и Санька, скорчившись, сидели в углу полуразрушенного каменного сарая. Земля ходила волнами от тяжёлых бомбовых ударов, и воздух туго дрожал от гула самолётов. Через пролом в стене в сарай прыгнул молодой солдат без пилотки, в порванной на плече грязной гимнастёрке.

Серёжка громко вскрикнул.

Солдат остановился и выкинул вперёд автомат.

— Кто тут?

Новый бомбовый удар, от которого покачнулась стена и посыпалась штукатурка, пригнул солдата к земле. Но он быстро выпрямился и огляделся. Глаза его уже привыкли к полутьме. Он увидел ребят.

— Вы? — удивился солдат. — Вы тут почему? Почему здесь сидите?

— Нога у него,— ответил Серёжка.

— Что нога?

Серёжка отодвинулся. Санька на мгновение приоткрыл тонкие лиловые веки глаз, обведённых синевой, посмотрел устало на солдата. Тот присел и увидел, что нога мальчишки ранена выше колена.

— Беда,— посочувствовал солдат.

— Беда,— согласился с ним Серёжка, обрадованный, что теперь они не одни в этом страшном мире.

Рано утром с обеих сторон загрохотали сотни орудий, и всё небо заполнили свои и чужие самолёты. Какие-то самолёты, наверное, всё

же немецкие, налетели и запалили в нескольких местах деревню. Оставшиеся жители побежали к лесам. Серёжка и Санька мчались по большому картофельному полю и видели, как чёрные тени самолётов стремительно проносятся по земле. На гудевшее небо мальчишки боялись взглянуть.

На перекрёстке дорог они остановились, стараясь разобраться, куда лучше свернуть. По земле опять мелькнула быстрая чёрная крылатая тень, прозвучала короткая пулемётная очередь. Санька повалился в пыль и закричал. Серёжка не растерялся, оторвал подол рубашки и перевязал Саньке ногу. Однако кровь сочилась и сочилась. Идти Санька не мог, бросить его было никак нельзя, а оставаться одним в пустынном поле страшно.

Они доковыляли до этого сарая и тут притулились. Саньке стало окончательно плохо. Лицо у него посерело, резко выступили мелкие, как маковые зёрна, веснушки. Серёжка удивился: Санька, такой обычно рёва — не плакал, не стонал, только кряхтел от боли.

Солдат выслушал сбивчивый рассказ Серёжки.

— Так, так,— протянул солдат.— Пострадали...

Серёжка с надеждой смотрел на солдата.

В пролом заглянул пожилой черноусый сержант в каске и густым голосом позвал:

— Минаев! Хватит прятаться... Приказ получили: закрепиться и ждать подхода танков.

— Детишки тут,— откликнулся Минаев.

— Какие детишки?

— От немцев хоронятся. Одного ранило.

Сержант удивительно легко для своего пожилого возраста перепрыгнул через пролом и присел на корточки.

— Брат?— спросил он Серёжку.

— Не... товарищ.

— Нельзя вам тут, ребятки, оставаться,— сказал озабоченно сержант, дотрагиваясь до головы Саньки.— Ишь, горит... Тут у нас самый бой может быть. В тыл вам надо...— На лбу его густо сбежались морщины.

Серёжка и сам понимал, что тут нельзя оставаться. Но что делать? Куда идти? Теперь он с надеждой смотрел на сержанта.

— Пойдём,— позвал сержант

Минаева, поднимаясь и не сводя больших добрых глаз с ребят. — Придумать что-то надо.

Они ушли, и Серёжка с Санькой опять остались одни.

— Пить, — робко попросил Санька.

— Потерпи, — сказал Серёжка.— Где я тебе пить возьму?

За стенами сарая слышались голоса, звякало железо, а в воздухе всё гудели самолёты и доносились отдалённые бомбовые разрывы. Серёжке казалось, что никто о них и не подумает, и не знал, что с ними будет? Где мама, бабушка? Вот ушли эти солдаты, а им что делать? Если бы не Санькина нога, то, может быть, они и добрались бы до леса.

— Пить, — опять прошептал Санька.

Серёжка промолчал. Он и сам не отказался бы от воды. Да и есть вдруг очень захотелось. Эх, пожевать бы сейчас ржаного хлеба с водичкой, да ещё бы посолить хлеб. Хоть бы стебелёк щавеля...

Совсем близко разорвался снаряд, в стену сарая словно крупными камнями бросили. Кто-то резко закричал:

— Перестаньте шляться!.. Окапывайся!

Серёжка понял, что из сарая выходить нельзя: немцы стреляют.

Опять появилась голова сержанта в каске, и он позвал:

— Малец, пойди сюда!

Серёжка вылез из сарая и на миг зажмурил глаза, ослеплённый солнцем. По всему склону в земле рылись солдаты. Место это сейчас показалось очень знакомым, а то,

когда они бежали по полю, всё в голове перепуталось. Конечно, это Ореховая балка, а сарай — скотный двор фермы, которую колхозники начали строить перед войной.

Кругом готовились к бою. Знакомый солдат Минаев, сбросив гимнастёрку, и два солдата, тоже без гимнастёрок, стоя по пояс в окопе, швыряли лопатами жёлтую землю. Пробежал старшина, волоча за собой, словно собаку на короткой привязи, тупорылый пулемёт на маленьких колёсиках. За ним торопился солдат с железными патронными коробками. Они установили пулемёт и стали прилаживать патронную ленту. С катушкой за пле-

чами, от которой по земле тянулся чёрный провод, пробежал маленький связист.

— Не дойдёт товарищ?— спросил Серёжку Савельев.

— Не...— жалобно подтвердил Серёжка, с такой надеждой заглядывая в добрые глаза сержанта, что тот даже крякнул от жалости к ребятам. Больше всего Серёжка боялся, что они останутся одни. Он понимал, что солдатам сейчас не до них.

— И в сарае вас не оставишь,— подумал вслух Савельев.— Разнесёт немец этот сарай. На самом виду у них. Куда же вас?

Он постоял, подумал.

— Ну-ка, пойдём...

В глубине оврага, густо заросшего орешником, тоже готовились к бою. Миномётчики торопливо устанавливали свои орудия — высокие гладкие трубы на чугунных тарелках. Тут же лежали деревянные лотки с каплеобразными снарядами. Пробежал с катушкой за плечами ещё один связист, за ним тоже тянулся провод, но не чёрный, а красный.

— Здесь устраивайтесь,— показал сержант и полез в гору.

Серёжка не понял, что значит «устраиваться» и стал возле кустов рядом с миномётчиками, занятыми своими делами и не обращавшими на него внимания. Кусты орешника побурели, запеклись под июльским солнцем, высокая невыкошенная трава шелестела, как тростник.

Он обрадовался, опять увидев сержанта Савельева, спускавшегося в овраг с Санькой на руках. Миномётчики оглянулись.

— Что это?— спросил кто-то из них.

— Мальчонку раненого в сарае подобрали,— сказал Савельев, осторожно укладывая Саньку в тень под кустом.

— Пить,— тихо попросил Санька, не открывая глаз.

Серёжка увидел пустую консервную банку, схватил её и побежал по оврагу. Он знал, что в самой глубине его должен быть родник.

Когда он вернулся, то увидел, что Савельев, стоя на коленях, заканчивает перевязывать чистым широким бинтом ногу Саньки.

— Ишь ты, воду раздобыл, — одобрительно сказал Савельев.

— Выпейте,— попросил Серёжка, готовый сейчас всё сделать для сержанта.

— Мне бы глоток воды из Десны,— вдруг с угрозой сказал Савельев и строго добавил:— Товарища напои...

— Ему хватит.

— Напои...— и глядя, как Санька, приподнявшись, жадно пьёт, проливая воду на остренький подбородок, сказал:— Дойдём, недалеко теперь Десна. Верно, орёл?

Серёжка кивнул.

Он верил этому пожилому человеку. Уж он их не оставит.

— Что, натерпелись без нас страха?— спросил Савельев, оглядывая ребят.

— Страшно,— признался Серёжка.— Враг-то рядом, как опять вернётся?

— Не бойся, ничего теперь не бойся. У тебя впереди наши солдаты, не дадут они тебя в обиду фа-

шистам. Видишь, сколько нас тут, сколько пушек? А скоро и танки подойдут, погоним мы его дальше... Будете теперь спать спокойно.

— А мы вас ждали, давно ждали,— сказал Серёжка.

— Мы и пришли... не обманули, значит, вас...

Миномётчик с забинтованной шеей, копавший рядом окоп, обернулся в их сторону.

— Сколько же лет хлопчикам?— спросил он.

— Сложить вместе — солдат будет,— горько сказал Савельев.

— Маленькие хлопчики,— согласился миномётчик.

— Уступи ты им свой окоп,— попросил Савельев.

— Это можно,— готовно отозвался тот, продолжая проворно швырять землю.— А хлопчик воды принесёт,— и он протянул котелок.

Пока Серёжка бегал к роднику, произошло что-то очень важное. Савельева уже не было. Миномётчик бросил лопату и крикнул:

— Докапывай...

— Вот вода,— сказал Серёжка, протягивая котелок.

— Потом,— махнул рукой миномётчик и побежал к своему орудию. Он выхватил из лотка снаряд и замер, держа его в руках, к чему-то прислушиваясь.

Раздалась какая-то команда, и миномётчик опустил снаряд в трубу, словно двумя руками бросил в колодец камень. Тотчас что-то ударило, и Серёжка увидел, как из трубы вылетел снаряд. Высоко над оврагом поднялась целая стая снарядов и полетела в сторону врага. Наверху, возле каменного сарая, затарахтели пулемёты.

Серёжка схватил лопату с коротким черенком, спрыгнул в окоп и начал швырять землю.

— Воздух!— закричал кто-то.

В небе в кольцо построилась девятка вражеских самолётов. Один из них как-то клюнул носом, словно подстреленный журавль, и пошёл с нарастающим свистом и воем к земле. От него оторвалась бомба, в ту же секунду самолёт стал резко набирать высоту. Следующий, сверкнув крыльями, тоже пошёл к земле...

Первая бомба упала за оврагом, вторая ударила где-то близко у родника, третья легла рядом, осыпав всех песком и сорванными листь-

ями орешника. Серёжка, тяжело дыша, ловя открытым ртом воздух, лежал возле Саньки, который мутными глазами равнодушно смотрел в небо.

Стрельба с двух сторон всё усиливалась. Над оврагом с тяжёлым шелестом проносились снаряды нашей дальнобойной артиллерии. Серёжка не видел, что делается у сарая, но по стрельбе понимал, что там идёт жаркий бой.

Потом стало чуточку тише.

В овраг тяжело спускались два человека и несли раненого. Они положили его у окопа, который так и не успели отрыть миномётчик и Серёжка, и тотчас ушли.

Серёжка посмотрел на раненого и вскочил. Это был сержант Савельев. Он лежал, крепко зажмурив глаза, лицо его посерело, и щёки ввалились. Мокрые пряди тёмных волос закрывали лоб. Вся гимнастёрка была в крови, при каждом вздохе грудь высоко приподнималась, а в уголках почерневших губ показывались кровавые пузырьки.

— Дядя Савельев...— встревоженно позвал Серёжка.— Дядя Савельев....

— Что тебе?— спросил сержант, с усилием открыв глаза.

У сарая опять поднялась стрельба. Чей-то голос оттуда закричал стонуще:

— Миномётчики! Что же вы молчите?

Миномёты опять открыли огонь.

— Может, воды...—Серёжка увидел, что котелок опрокинулся и вода пролилась, — принести, — добавил он, готовый среди гула и воя металла сбегать за водой.

— Мне...— трудно зашептал Савельев,— из Десны... не дошёл. А ты... теперь не бойся... не дадут наши солдаты...

Он замолк, вздохнул так глубоко, что даже широкие плечи приподнялись, и рука, лежавшая у пояса, медленно сползла к земле.

Серёжка смотрел на лицо Савельева, надеясь, что он ещё откроет глаза.

Он даже не заметил, что наступила тишина. Кто-то торопливо сбегал в овраг.

— Что там?— окликнули его миномётчики.

— Атаку отбили... Ох, положили их!..

Сильная рука взяла за плечо Серёжку и отодвинула его в сторону.

— Тут он!— обрадованно сказал Минаев.— Савельев!— позвал он и растерянно оглянулся. Дотрагиваясь до откинутой руки сержанта, он ещё раз неуверенно позвал:— Савельев...

Юношеское лицо солдата посуровело, горькая морщинка прорезала лоб. Помолчал и горько сказал, сняв каску:

— Нет нашего Савельева... Нет папаши... На Десну без него выйдем.

Он присел рядом с Серёжкой и молча смотрел на спокойное лицо сержанта Савельева.

Вспомнив что-то, солдат оглянулся:

— Вот и танки подошли... И тылы наши подтянулись.

Серёжка тоже оглянулся и увидел, что в кустах орешника стоит большой танк, вытянув длинную пушку.

— Сейчас дальше пойдём,— сказал Минаев.— А вас в спокойное место отправим. Там и твоему товарищу помогут.

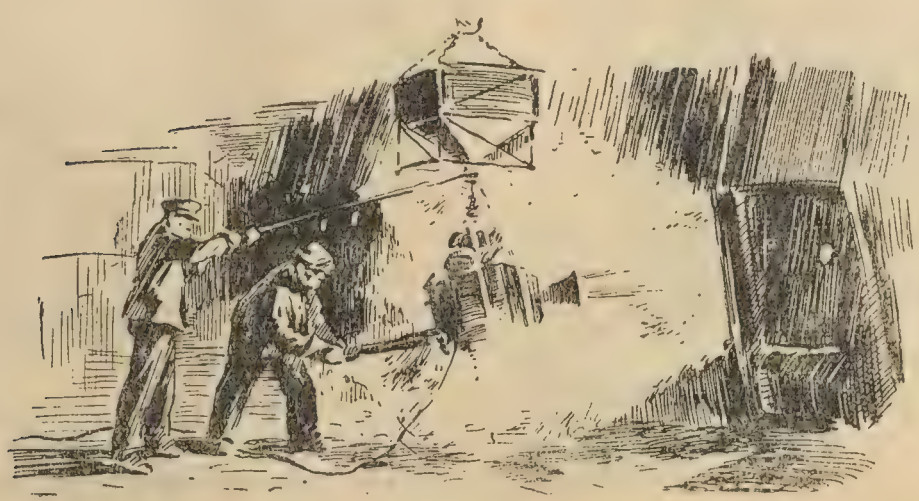
Он поднял на руки Саньку. Серёжка пошёл рядом.

В овраге показался второй танк...

Живая вода

Лев СОРОКИН

Как всех,
богатырей сгибали годы.
Навек остаться юными нельзя.
Но добывали им
живую воду,
Рискуя жизнью,
верные друзья.
И старцы становились
молодыми.
Об этом часто в сказках я
читал.
Но вот глазами вижу я
своими,
Как молодеет
богатырь-Урал.
Становится сильнее год от года,
Бурлит в мартенах
молодость огнём!
Да, мы нашли ему живую воду,
Которую Советами зовём!



Журка из Солнцеграда

Анатолий ДРОФАНЬ

Это произошло в те тяжёлые годы, когда в нашем небольшом городке на берегу синего моря хозяйничали фашисты.

Был вечер. Маленький Вася сидел с мамой на крыльце домика и смотрел на звёздное небо. Вдруг он встрепенулся.

— Мама, слышишь, журавли летят... Значит, мне пора уже в школу. Помнишь, ты говорила, когда журавли полетят в тёплые края, я пойду учиться.

В воздухе, где-то высоко-высоко, дрожало тревожное и печальное:

— Кру... Кру...

Мама тяжело вздохнула:

— Нет, Вася, в эту осень тебе не придётся ходить в школу. Наши враги превратили её в конюшню, поставили в классах своих лошадей.

А журавли всё приближались и приближались, и уже совсем близко было слышно:

— Кру... Кру...

Внезапно синее небо прорезали два белых прожекторных луча. Вася

и прежде видел их. Фашисты зажигали прожекторы каждый раз, когда по вечерам появлялись наши, советские, самолёты. Однако теперь самолётов не было.

Две белые полосы света скользнули по одинокому облачку, скрестились, и Вася сразу увидел журавлиную стаю. Птицы бросились врассыпную, должно быть, испугались. Но в ту же минуту один журавль вылетел вперёд, все остальные, как солдаты, выстроились за ним, и ключ, озарённый сиянием прожекторов, храбро полетел дальше на юг.

Когда журавлиный ключ был почти над самым Васиным двором, на окраине городка грянул выстрел.

И мальчик увидел, как первый журавль вдруг начал быстро опускаться на землю. Он упал на улице, возле двора, где жил Вася с мамой. Мальчик вскочил, побежал к нему. Журавль бил крылом о мостовую, но сразу же затих, когда Вася взял его на руки.

У Журки были перебиты крыло и нога. Вася знал, что бывают герои-люди. Но Журка тоже был героем: он храбро вёл сквозь огонь свою стаю.

Для раненого смельчака Вася устроил дома настоящий госпиталь. Смазал раны Журки йодом, перевязал крыло и ногу бинтом и внимательно следил, чтобы больной вовремя ел и пил.

...А через год солдаты Советской Армии выгнали фашистов из Солнцеграда, и Вася пошёл в школу. Правда, враги сожгли в городе все школы, разрушили лучшие дома. Солнцеград лежал в развалинах. Но всё же школу открыли в самом большом и просторном доме из тех, что уцелели.

Журка к тому времени уже успел выздороветь. Вася устроил ему в самом удобном уголке комнаты постель, поставил воду и пищу. Но журавль не хотел спокойной, беззаботной жизни. Когда Вася шёл в школу, Журка каждый раз, припадая на правую ногу, важно шагал рядом с ним.

Вася спешил в класс, а Журка выходил на перекрёсток, где сновали автомашины, поджимал одну ногу и, по-хозяйски поводя головой, стоял, как милиционер на посту.

Разве можно было спокойно смотреть на такую картину? Улыбались шофёры, возившие на строительство песок и кирпич. Смеялись идущие на работу каменщики. Не могли сдержать улыбки озабоченные женщины, торопившиеся с базара домой, чтобы готовить семьям обед. Смеялись малыши из детского садика, что, взявшись за руки, проходили с воспитательницей по улице. И со всех сторон только и слышно было:

— Здравствуй, Журка!

— Как поживаешь, Журка?

— Доброе утро, Журавлик!

А он, будто и в самом деле понимал людей, вытягивал шею, покачивал своей клювастой головой.

...Когда Вася выбегал из школы, Журка тоже оставлял свой пост на перекрёстке и, словно мастеровой после работы, неторопливо шёл рядом со своим другом домой.

Так и шли годы. В Солнцеграде на месте недавних развалин и по-

жарищ вырастали новые дома и клубы. Улицы, где раньше была булыжная мостовая, заливали асфальтом, и они становились, как реки,— широкие и гладкие. В скверах, где фашисты вырубили старые развесистые деревья, теперь выросли новые молоденькие клёны, и в тени их резвятся счастливые малыши. На клумбах столько цветов, что весь город наполнен нежным ароматом. И нигде в нашем Солнцеграде не осталось следов войны.

Вы, конечно, спросите, а где же теперь Журка и его друг Вася.

Представить себе наш Солнцеград без Журки, который шагает по улице или стоит на перекрёстке дорог,— просто невозможно.

— Здравствуй, Журка!

— Как поживаешь, Журавлик?

А он, гляди-ка, ещё и головой подчас кивает, спасибо, мол, хорошо живу!

Так было несколько лет. А потом Журки не стало. Умирают ветераны-люди, умирают и ветераны-птицы. Солнцеградцы горевали о нём, как горюют о настоящем друге.

Но Вася, который стал каменщиком и работал на строительстве новой четырёхэтажной школы, вытесал Журку из гранита.

Когда новую школу открыли, со всех концов Солнцеграда шла в неё за наукой шумливая, счастливая детвора. А Журка на одной ноге по-хозяйски стоял на крыльце и, слегка склонив свою клювастую голову, приветствовал малышей.

Мой брат — пограничник

Валентин БЫЧКО

Там, где горы встали в ряд,
Где кусты кругом,
Едет, едет, едет брат
На коне лихом.

А копыта — стук да стук,
Аж в горах тот слышен звук,
А уздечка — динь да дон,
Вдаль уходит стали звон.
Подошли до белых хат
Берега реки...
Возле дуба встанет брат.
Взгляд из-под руки...

Может, враг тут? Или там?
Конь прижался весь к ветвям.
Даже лист не шелохнёт,
Даже рыбка не всплеснёт.

Ты, высокая трава,
Пограничника скрывай,
Чтоб удобно под горою
Было нашему герою!

Если враг во тьме, как гад,
Проползёт вдали,

Автомат держу в руке!
Здесь граница
— на замке!..

Едет, едет, едет брат
На коне лихом,
Там, где горы встали в ряд,
Где кусты кругом.

А копыта — стук да стук,
Аж в горах тот слышен
звук,
А уздечка — динь да дон,
Вдаль уходит стали звон...

Перевёл с украинского
Е. Ружанский

Перед ним тут
встанет брат,
Как из-под земли.

Скажет брат ему:
— Так знай,
Не пролезет враг в наш
край,—

Двадцать три и один

(Рассказ-быль)

Борис РЯБИНИН

... Издали можно было подумать, что немцы идут одни, без конвоя. Лишь когда они приблизились, стало видно, что шествие замыкает маленький автоматчик, ростом чуть не вполовину меньше любого из них. На ботинки у него налипли пудовые комья грязи, обмотки ссохлись, и он с трудом передвигал отяжелевшими, будто чужими, ногами. Однако это не мешало ему зорко поглядывать на пленных и даже грозно покрикивать на них, когда они замедляли шаг.

Тут увидел он у хаты, в окружении офицеров штаба, подполковника, командира бригады, и хотел, приосанившись и вскинув автомат выше, как предписывалось держать его, на уровне груди и со стволом, направленным влево и чуть вверх, пройти с бравым видом мимо начальства. Лёгкий жест комбрига заставил усердного служаку немедленно скомандовать немцам «Хальт!» и, сойдя с дороги, вытянуться, вскинув руку к козырьку. Затем следовало, как полагалось по уставу, отрапортовать, но вместо этого лицо его вдруг расплылось в улыбке и с губ сорвалось:

— Пленных забрали!

И все — подполковник и кто в эту минуту находился с ним — засмеялись, ибо солдат сообщал то, что было очевидно, а также потому, что невозможно было смотреть без улыбки на этого маленького погон-

щика, пригнавшего фашистское стадо, которое, выпуча глаза, с нескрываемым страхом смотрело то на конвоира с его автоматом, то на русского подполковника, от которого ждало решения своей участи.

— Опусти руку,— сказал подполковник.— Сам взял?

— Сами!— гаркнул конвоир с такой силой, что ближний гитлеровец вздрогнул и испуганно уставился на него. Фрицу, вероятно, почудилось: расстрелять!

Подполковник махнул рукой, и вереница унылых серо-зелёных фигур потянулась дальше, в плен. Автоматчик поторапливал их: он надеялся ещё поспеть в бой.

А было дело так.

Они — высоченный угловатый старшина Ширяев и рядовой, коротышка Чибирев, занимавший в строю всегда место крайнего левофлангового,— спрыгнув с танков, направились, где ползком, где бегом, в ту сторону, откуда доносились выстрелы гитлеровцев.

Для Чибирева это было боевое крещение. Он прибыл недавно, с пополнением рождения 1925 года. Это был самый младший призывной год, воевавший на фронте; к тому же в моторизованный батальон автоматчиков подбирали самых низкорослых, и бойцы старших возрастов покровительственно называли их «детским садом».

Танки с десантом появились внезапно, зайдя с тыла. Фашистов окружили. Чибирев и Ширяев пробежали метров двести — причём малютка-рядовой едва поспевал за длинноногим старшиной,— когда услышали сильные взрывы. Это танки крушили немецкие блиндажи. Чёрный дым поднялся над укреплениями врага.

Внезапно автоматчики обнаружили ещё один блиндаж, не замеченный танкистами... Вернее, сначала они увидели двух немцев и, угрожая им автоматами, взяли их в плен. Те, видимо, не очень веря в надёжность блиндажа, намеревались укрыться в лесу.

Ширяев учинил им допрос.

— А где ещё ваши?— грозно спросил он того из них, который выглядел старше.

Неизвестно, понимал ли немец по-русски, но он забормотал что-то по-своему и ткнул рукой в сторону блиндажа.

— Ага,— сказал старшина.— Там сидят.

Дальше произошла любопытная сцена. Ширяев старался втолковать пленному, что они пойдут сейчас к блиндажу и там он, фашист, должен сказать своим, чтобы они сдавались. Да чтоб он не вздумал финтить, а то на это есть автомат; второй же немец останется заложником, и в случае чего... Так объяснял Ширяев, выразительно жестикулируя и повторяя чуть ли не после каждого слова: «Понимаешь?»

В продолжение этого разговора Чибирев стоял и держал обоих гитлеровцев на мушке.

Приказав ему смотреть в оба, Ширяев направился с одним гитлеровцем к блиндажу. Понял фашист или не понял, но он покорно повёл советского бойца, осязая на своей спине дуло автомата. Кроме того, Ширяев держал наготове гранату.

Подойдя к блиндажу, немец спустился на две ступеньки (больше ему не позволили энергичные знаки старшины) и, нагнувшись, что-то прокричал. Снизу ответили. Парламентёр прокричал ещё раз. Внизу помолчали, видимо, совещались.

А затем стали выходить фрицы: один за другим, с поднятыми кверху руками. Оружие они оставили в блиндаже.

Ширяев насчитал двадцать одного человека.

— Все?— строго спросил старшина.

— Я, я,— закивал первый немец.

Ширяев присоединил к построившимся первых двух и приказал Чибиреву отвести их до пункта сбора пленных. Сам он больше не задерживался ни минуты. Глухие взрывы всё продолжали доноситься с той стороны, где танки громили врага. Белая и красная ракеты — сигнал общей атаки — взлетели из-за бугра, таща за собой дымный след.

Ширяев пропал за бугром, и Чибирев остался один с двадцатью тремя волком глядевшими на него гитлеровцами.

Неприятный холодок пробежал

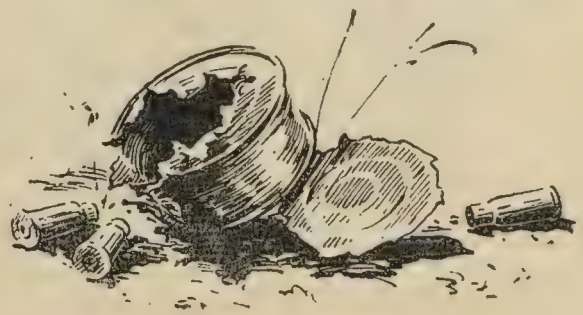
у него по спине, когда он перехватил взгляд большого белобрысого немца, стоявшего правофланговым. Этот взгляд не сулил ничего хорошего. Возможно, что, сдаваясь в плен, гитлеровцы думали, что тут по крайней мере отделение автоматчиков, а вместо этого перед ними стоял всего один и тот неказистый, маленький, кажется, дунь — и нет его.

Они повиновались, когда он приказал им двинуться, но сделали это неохотно, с явным пренебрежением к нему. Он прикрикнул — они замедлили шаг... Вот так история! Он не знал, как ему поступить. Пустить в ход автомат не хотелось — не приказано, а без этого они отказывались слушаться. Желая попугать, он направил автомат на белобрысого, но тот вместо ожидаемой покорности обернулся и осклабился, показав крупные жёлтые зубы, как у матёрого волка. Что делать?

Взгляд Чибирева упал на пустую консервную банку, висящую на сучке на дереве. Обыкновенная консервная банка. Из-под зелёного гороха или сушёного супа, какой употреблялся в гитлеровской армии. Какой-нибудь весёлый фриц забросил её туда, или, может быть, зашвырнуло силой взрыва (вокруг виднелось много воронок). Только на одну секунду глаза маленького солдата задержались на ней, а затем, небрежно взглянув на пленных, он вскинул автомат и нажал на спуск, истратив три патрона.

Коротко прозвучала трель автомата. Мастерский выстрел! Развороченная пулями банка, звякнув, упала на землю. И в ту же минуту оскорбительно-наглое выражение на лице белобрысого сменилось тупой покорностью. О, они знали цену хорошей автоматной очереди! Чибирев, не глядя, но видя всё, мотнул головой, сделав движение автоматом, как будто загребал их всех. Они послушно пошли... вышли на дорогу... А он, внезапно вернувший себе уверенность, чувствуя, что он победил и победил окончательно, шёл и, нажимая украдкой на пусковой крючок, медленно соображал, как случилось, что автомат его пуст.

Постепенно он припомнил, что израсходовал магазин в самом начале боя, когда они спрыгнули с танков, а перезарядить не успел, и, следовательно, те три патрона, которыми он продырявил банку, были последними. Запасный магазин имелся в кармане, но могли заметить немцы, а Чибирев не хотел этого и смело шагал за ними с пустым автоматом. Он шёл и всю дорогу сердился, сердился потому, что ему тоже хотелось в бой, и мучился сознанием, что не может перезарядить автомат...



Ефим РУЖАНСКИЙ

Помню выстрел «Авроры»,
Помню первое пламя,
Запылавшее в наших сердцах,
Как вело нас к победе
Наше славное знамя,
Опалённое в жарких боях.

Мы в походах бывали,
Мы отважно сражались,
Отстояли страну на фронтах.
И над вражьей землёю
Наше знамя взвивалось,
Опалённое в жарких боях.

Нынче мирное время.
Мы стоим на границах.
Славен труд на полях и в цехах.
Как святыня, родное
Наше знамя хранится,
Опалённое в жарких боях.

Пусть же вечные годы
Полыхает над нами,
Над любимой страной в небесах
Наше красное знамя,
Наше славное знамя,
Опалённое в жарких боях!

ДОЧЬ БОЛЬШЕВИКА

(Рассказ-быль)

Клавдия МАЛЬЦЕВА

Стояли тёплые осенние дни восемнадцатого года. Светило солнце. Дул лёгкий ветерок. Шелестя пожелтевшей листвой, мерно покачивались деревья.

Но в уральском посёлке чувствовалась напряжённость и тревога. С быстротой молнии облетела всех весть о приближении красных. Это означало, что белогвардейцы, отступая, будут чинить зверства, истязать и расстреливать ни в чём не повинных людей.

Только ребятишки беззаботно играли на дворе.

— Ребята!— кричал рябоватый Петька.— Смотрите, Клашка опять нюнит!

Ребята быстро вылезли из засады и окружили девочку. А Петька издевательски продолжал:

— У... городская... барыня!

— А ты не щиплись!— оправдывалась девочка. Она плакала уже не о том, что её пребольно ущипнул Петька, а о том, что некому за неё заступиться — мамы нет, умерла недавно, а папу уже два дня не видела — отец часто задерживался на заводе. За девочку вступился Ванюшка:

— Ты смотри, Петька!— пригрозил он ему.— Придёт её батька, так задаст тебе.

— Не придёт он. Его белые расстреляли!— неожиданно для всех зло выпалил Петька. Девочка вздрогнула.

— Неправда! Ничего ты не знаешь, отец на работе!

— Не знаю?! А вот и знаю,— не унимался Петька,— и тятька говорил. Твой отец большевик, и книжки у него такие есть... про него все говорят, что он затем и приехал сюда...

Эти слова болью отозвались в сердце девятилетней девочки. Она вспыхнула:

— И вовсе не большевик он, а просто рабочий!— Она ещё не понимала, что такое большевик, но в словах Петьки девочке послышалась злоба, и ей стало страшно за отца.

Игра расстроилась, и ребята разбрелись кто куда. А девочка продолжала стоять посреди двора.

«А что, если Петька сказал правду?»— Она вспомнила про книги, которые прятал отец, когда в по-

сёлок вошли белые. И ей наказывал молчать...

Перед глазами девочки встала страшная картина: нынешней весной она видела свою учительницу, расстрелянную белыми...

И она торопливо побежала домой — узнать, не приходил ли отец.

— Пришёл папа?— спросила она хозяйку, вбежав в комнату.

— И что ты пристала!— Который раз спрашиваешь! Куда он денется, твой отец? Придёт...

В голосе старушки послышалась плохо скрываемая тревога. Она и сама была озабочена отсутствием жильца.

Чувствуя что-то недоброе, Клаша принялась искать те книги, которые берёг и прятал отец. Но их она не нашла. «Наверное, отец унёс с собой»,— подумала она.

Хозяйка предложила девочке поесть, но та отказалась:

— Я буду ждать отца!

— Ну, и жди!— с сердцем ответила старушка и вышла в кухню.

Вскоре она загремела в кухне ухватами и про себя ворчала:

— Третий день нет! Точно в воду канул...

А девочка, забившись в угол, думала: почему так зло говорил об отце Петька, что плохого он сделал и почему про него говорят, что он большевик? Спросить бы у него: большевик он или нет?

* * *

Где-то, надрываясь, залаяла собака. Закудахтали всполошившиеся куры.

В сенях скрипнула дверь.

Девочка бросилась к отцу:

— Папочка! Папочка!— радостно повторяла она, обнимая его за шею.

Отец был бледен, но лицо спокойное.

— Не шуми, Клаша!— предупредил он.

Из кухни прибежала хозяйка, услышав разговор.

— Тише!— попросил Александр Карпович, предупреждая расспросы.— Меня ищут и если...— он не докончил.

— Расстреляют?! — не выдержав, вскрикнула девочка.

Теперь она поняла: ребята правы — отец её большевик. Иначе зачем бы ему от белых скрываться? Ведь вот Петькин отец так, наоборот,— красных боится. И дом у него большой, и скота много. Петька всё говорит, что отец его красных клянёт.

Клаша, крепко прижимаясь к отцу, думала, что ни за что не отдаст его белым.

Александр Карпович нежно погладил русую головку дочери и потрепал по щеке. Затем он быстро встал, тихонько отстранил дочь, подошёл к столу и, обращаясь к хозяйке, сказал:

— Никто не должен знать, Васильевна, что я был здесь...

— А как же, Александр Карпович, если спросят?

— Скажи, что третий день нет дома, а где — не знаешь...

Закурив, он медленно прошёлся по комнате, как будто обдумывая или решая что-то.

Девочке хотелось о многом спросить отца, но она чувствовала, что

сейчас не время, и только следила за каждым его движением.

В кухне что-то стукнуло. Александр Карпович насторожился. И, как только хозяйка вышла, быстро вытащил из-за обоев наган и, так же быстро зарядив его, положил в карман. Написав что-то на бумажке, он застегнул свою старую засаленную куртку и подошёл к дочери.

— Не бойся... Я близко буду... А это передашь Ванюшкиному отцу,— объяснил он.

Крепко зажав в ладони крохотную бумажку, Клаша подумала: «Значит, Ванюшкин отец тоже большевик».

Девочка не успела ответить. Отец, открыв окно, которое выходило во двор, бесшумно выпрыгнул. Не оглядываясь, он быстро направился огородами в сторону леса.

В комнате наступила тишина. Было слышно, как где-то, запутавшись в паутине, неистово жужжала муха, мурлыкал кот, тикали ходики. Беспокойно охала и вздыхала хозяйка.

Девочка примостилась у окна.

Темнело. Временами со стороны леса слышался какой-то странный шум. Точно горох на сковороду сыпался.

В дверь постучали. Задребезжала посуда. Девочка похолодела. «За отцом!»— мелькнула мысль. Васильевна с испугу едва поднялась.

— Кто там?

— Открывай! Не разговаривай!— послышался грубый мужской окрик. Дрожащими руками хозяйка открыла дверь. В комнату вошли двое белогвардейцев. Оба были пьяны.

— Степанов здесь живёт?— спросил широколицый, с огромным шрамом на левой щеке.

— Здесь!— едва выговорила хозяйка.

— Где он?

— Не знаю... третий день не бывал дома...

— Врёшь... старая рухлядь!— пьяно растягивая слова, заорал белогвардеец.

У девочки тоскливо сжалось сердце. Ей стало невыносимо жаль старушку. Она видела, как у неё беспомощно тряслись руки, дрожал и срывался при ответах голос.

— Смотри!— и белогвардеец погрозил Васильевне нагайкой.—Обыщи!— скомандовал он второму.

Тот, пошатываясь, заглянул в кухню, рванул полог у кровати и выругался. Пока второй перевёртывал всё вверх дном, первый стоял, играя нагайкой и нервно потопывая ногой. Взгляд его остановился на девочке.

— А ты что, дочь его?—неожиданно приступил он к допросу.

— Дочь!— подняв голову, твёрдо произнесла она.

Васильевна только руками всплеснула.

— А!.. Дочь большевика!— оглядывая девочку с ног до головы, дико захохотал белогвардеец. У Клаши от этого смеха мурашки побежали по спине.

— А где отец, знаешь?— продолжал он.

— Нет! — так же твёрдо произнесла девочка.

— А!.. Зме-ё-ныш!

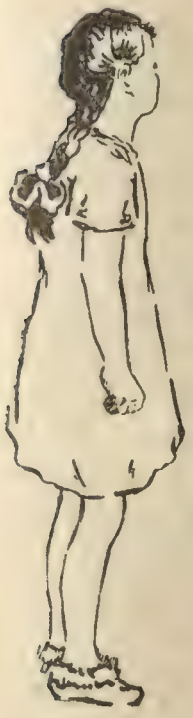
Глаза его злобно сверкнули, лицо исказилось, он судорожно выхватил наган. Чёрное дуло глянуло на девочку. В висках стучало: «Всё равно не скажу, всё равно не выдам отца... пусть убьют!»

— Скажешь, где отец?— хрипло произнёс белогвардеец, шагнув к девочке. Казалось, ещё секунда — и он выстрелит. Клаша, стиснув до боли зубы, попятилась.

В это время Васильевна с шумом повалилась к ногам белогвардейца.

— Пощадите!— заливаясь слезами, заголосила она.

Он пнул её носком сапога. Старуха глухо застонала.



В окно смотрела осенняя ночь. От ветра шумели деревья и доносился какой-то отдаленный неясный шум.

Белогвардеец снова начал допрос:

— Говори, где отец?.. Или...— он погрозил нагайкой,— запорю!

— Не знаю!— почти крикнула Клаша.

Со свистом взвилась нагайка. Точно огнём обожгло правую щёку и плечо. Девочка пошатнулась. По щеке тоненькой струйкой поползло что-то тёплое.

Где-то совсем близко послышались выстрелы. «Наши»,— теряя сознание, подумала девочка.

Оглушительный треск и звон посыпавшегося стекла вывел Клашу из забытья. С трудом приподняв отяжелевшие веки, девочка увидела в панике убегавших белогвардейцев.

Около неё суетилась хозяйка.

— А папа?— спросила девочка.

— Жив, Глашенька, жив!— радостно произнесла Васильевна.— В посёлке уже наши, красные!

★

Спас

Ефим РУЖАНСКИЙ

Двое суток шли бои за село, в котором Василий Толмачёв знал каждую улицу, каждый дом. Сюда приезжал он в летнее время к тёте Наде — маминой сестре. А теперь она в Ленинграде, вместе с его сестричкой и братом. Как они нынче живут там, в осаждённом городе?

Когда наши войска заняли село, Василий забежал в дом тёти Нади. Он был пуст. Василий посидел немного на крыльце, закурил. Вдруг с радостным визгом к нему подбежала собака — тощая, взлохмаченная. Конечно, это был Бас, тётин пёс, хотя узнать его было трудно.

— Ох, милый! Как же ты исхудал, Бас, одни рёбра торчат. И как уцелел?— стал наглаживать его Василий, вынул из кармана пару галет, кусочек сахару и отдал псу. В этот день четвероногий друг не отходил от Василия.

— Бедняга, отощал-то как,— заметил командир Кожановский.— Подкормить его надо.

И бойцы охотно подкармливали собаку, отделяя часть из своего скудного пайка.

Но недолго длился праздник у Баса. Фашисты после ожесточенной борьбы снова заняли село. Василий хорошо знал местность. Надеясь выбраться отсюда в вечерних сумерках, он вызвался прикрывать отход своего подразделения. С ним в пустом тётином доме остался и Бас.

Василий долго успешно отстреливался. Его ручной пулемёт работал безотказно. Но вот во двор вбежал офицер, за ним — двое солдат. Толмачёв успел снять офицера, но солдаты вскочили в сени. После короткой перестрелки Василий выбежал из комнаты и увидал корчившегося на полу рыжего фашиста.

— Хенде хох! (Руки вверх!) — крикнул Толмачёв. Но рыжий не поднял рук, а, схватив винтовку, направил её на Василия.

Толмачёв пригнулся, а в этот миг его пёс бросился прямо на врага. Раздался выстрел, и пёс жалобно завизжал.

В следующую секунду Толмачёв расправился с фашистом и наклонился над собакой.

— Бас! Милый! Ты что же?

Бас перестал визжать и всё время, пока хозяин перевязывал ему лапу, смотрел на него слезящимися глазами.

Ночью, благополучно добравшись до своей части, Василий доложил о выполнении задания и занялся псом.

Бас, спасший ему жизнь, стал для него предметом постоянных забот. Все ухаживали за ним, в особенности Вася и Игнат Стеценко. И всё же пёс охромел. К своему хозяину он так привязался, что, когда тот уходил из землянки, начинал жалобно скулить и рвался наружу...

* * *

Прошло много дней, прошли месяцы, настала весна. Бас привык к окопной жизни и по-своему развлекал бойцов, полюбивших его.

Но вот однажды рота Василия Толмачёва пошла на штурм вражеской высотки «Ремень». И когда после первой атаки бойцы вернулись в блиндажи, Василия с ними не оказалось. Не вернулся он и к вечеру. Кто-то вспомнил о его четвероногом друге.

— Бас! Бас!— стали его звать, но нигде найти не могли. Бойцы совсем приуныли.

— Видать, и он погиб,— предположил Стеценко — самый молодой пулемётчик в части, ничуть не пряча от товарищей свою печаль.

А печалиться было отчего. Его друг Вася Толмачёв остался по ту сторону реки, где окопались враги. Когда стрельба затихла, легко раненный в ногу Толмачёв стал отползать к реке, как вдруг увидел двух немецких солдат и впереди них женщину с мальчиком лет трёх, которого она вела за руку. На взгорочке от куста один солдат на ходу в спину расстрелял женщину. Падая, она толкнула мальчонку, словно говоря ему: «Уходи отсюда скорее, уходи от этих людей, которые приносят нам смерть!..» Но мальчик стал карабкаться на взгорок, плача и выкрикивая: «Ма-ма! Ма-му-ся!..» Земля была мокрая и скользкая от талого снега. Мальчик соскальзывал вниз и снова безуспешно пытался взобраться наверх, к своей маме. А солдаты смотрели и хохотали. Затем тот, кто убил женщину, крикнул другому:

— Хелф им, Томас! (Помоги ему, Томас!)

Тогда солдат, всё ещё хохоча, поднял автомат и выпустил очередь в мальчонку.

Василий знал: вряд ли ему удастся отсюда выбраться, если он обнаружит себя, но он не мог стерпеть этой необузданной жестокости фашистов и, прицелившись, скосил убийцу. Следующим выстрелом он ранил второго солдата, попытался встать и побежать к реке, но

автоматной очередью был сбит с ног и покатился куда-то вниз.

Очнулся Василий в воронке от снаряда и увидел над собой раскрытую пасть. «Волк!»— подумал он и снова потерял сознание...

...Минули сутки, но в части ничего не знали о Васе. Исчез и Бас. Вдруг под вечер у блиндажа кто-то заскрёбся, повизгивая и приглушённо лая. Это был Бас — худой, как скелет.

Его стали угощать консервами, печеньем, сахаром. Слюна обильно сочилась у него изо рта, но к еде он не прикасался, а беспрерывно визжал и, хватая то одного, то другого бойца за ногу, тащил их к выходу.

Бойцы не понимали: в чём дело, почему Бас не ест?

— Бас! Поешь, милый, сахару. Ну, ты ж сладкоежка, знаем! Ну, поешь, поешь!— уговаривали его бойцы. Но он не ел.

Тогда Стеценко погладил пса и сказал:

— Он это, хлопцы, не зря за ноги нас хватает. Понимать треба! Что-то, видать, есть у него на уме. Собака — это вам не какой-нибудь подлый фашист. Она и дружбу понимает, и по-людски разуметь может...

Стеценко и ещё двое бойцов пошли к командиру, рассказали ему о странном поведении собаки, и командир разрешил им пойти с Басом на розыски.

Выбежав из траншеи, Бас кинулся вперёд, к речке. За ним поползли бойцы.

Так добрались они до реки. Дальше была полоса «ничейной» земли.

Пёс бросился в воду и поплыл, оглядываясь на бойцов. Бойцы не знали как поступить: место было хорошо пристреляно врагами.

Бойцы стали совещаться и вдруг увидели, что Бас вернулся. Выскочив из воды, он подбежал к ним, завизжал, запрыгал и снова бросился в воду, словно приглашая бойцов следовать его примеру.

— Який розум у собаки!— восторженно произнёс Игнат Стеценко.— Видать, она недаром нас туды тягне!

И, подумав, он добавил:

— От що, хлопцы: спробую я перейти ричку, а вы тут наготове будьте...

И Стеценко полез в воду.

Перейдя речку, на самом берегу он сразу заметил Василия Толмачёва. Тот лежал без сознания. А Бас, вцепившись зубами в ворот его гимнастёрки, стал тащить его к самой воде...

И вот, когда тяжело раненного в ногу Васю Толмачёва принесли в блиндаж и он пришёл в себя, то рассказал, что это Бас притащил его к реке. Он тащил его днём и ночью, выбиваясь из сил, пока не приволок к самому берегу. И только там, не имея возможности перетащить его через реку, уплыл на наш берег — за помощью...

С тех пор бойцы ещё больше полюбили Баса. А Стеценко предложил для него новое имя.

— Для такого благородного животного,— сказал он,— другое имя придумать треба. Пускай его зовут не Бас, а Спас.

Бойцы согласились. А пёс скоро привык к своему новому имени, и,

когда его спрашивали: «Спас! Хочешь сахару?», он быстро подбегал и нетерпеливо подпрыгивал, ожидая угощения...

Но когда раненого Васю Толмачёва понесли на носилках к машине, чтобы отправить в Ленинградский госпиталь, Спас завизжал и бросился вслед за своим другом. С трудом удалось Игнату Стеценко вернуть Спаса с дороги. А Василий вдруг вспомнил плачущего мальчика, которого пристрелил немецкий солдат, и подумал, что прав Игнат: «Собака — не фашист. Она и дружбу понимает, и по-людски разуметь может».

Юные партизаны

Эрик ЛЕВИН

Это было во время войны, под Ленинградом, в селе, занятом немцами.

Мысль о связи с партизанами давно не давала покоя ни мне, ни Славке, но напасть на их след не так-то было легко. В нашей деревне остались почти одни старики, а из мальчишек — я и Славка. Но разве кто мог доверить нам, подросткам, такую тайну, как партизаны. Да и сами мы до поры до времени не были уверены, есть ли они в нашей округе.

Однако вскоре мы, кажется, определённо напали на след. Было это в середине сентября. Мы возвращались с болота с полными лукошками клюквы. По дороге Славка предложил свернуть в Озерки, соседнюю деревню, пройти к церкви, а заодно и кое-чего приметить. И вот, не доходя метров трёхсот до церкви, Славка неожиданно обнаружил в густом кустарнике, под огромным камнем, заросшим мхом, прикрытую дёрном неглубокую нишу. Когда мы раскидали дёрн, то наткнулись на металлическую коробку, перевёрнутую вверх дном. Осторожно приподняв её, увидели концы телефонного провода.

— Вот это да-а!— удивился Славка. — Скрытая телефонная связь!

Он взобрался на камень и раздвинул кусты.

— Всё ясно. Лезь сюда,— шепнул он.

С камня я хорошо увидел церковь, часового у входа, вереницу легковых автомашин.

— Теперь понимаешь, какая арифметика?— спросил Славка.— Этот провод проложен к партизанам в штаб.

— Почему?

— Почему, почему... Это НП — наблюдательный пункт. Представь, придут сюда партизаны с телефоном и биноклем. Один наблюдает, второй передаёт... Понимаешь?

— Ага...

Мы слезли с коня и призадумались.

— Знаешь что,— сказал Славка,— если достать телефон, то мы свяжемся с партизанами и передадим ценные сведения.

— А если это немецкий провод?— с опаской спросил я.

Славка нахмурился.

— Не может быть. Чего ради у себя под носом они будут устраивать тайник.

Тут же у нас созрел план — телефон взять у Крума. Эту задачу должен был выполнить Славка, так как начальник гарнизона обер-лейте-

нант Крум квартировал в его доме. Мне же поручалось достать вещевой мешок, в котором мы должны были замаскировать аппарат на случай, если встретимся в пути с немцами.

Теперь нужно было, чтобы оберлейтенант отлучился днём на длительное время.

Такой момент вскоре наступил. В одно из воскресений Крум уехал в штаб на встречу с «гросс-начальником». Лучшего нечего было и желать. Мигом упаковали мы телефон в мешок и обложили его тряпьём. Затем огородами выбрались на окраину и вскоре зашагали в направлении Озерков.

... Пока Славка прилаживал концы провода к аппарату, я сидел на камне и наблюдал за церковью. У церкви-штаба в этот день было заметное оживление. Больше обычного стояло во дворе легковых машин. У входа, вместо одного часового, сейчас расхаживало целых три. Всё подтверждало слова Крума о прибытии «гросс-начальника».

Наконец Славка дёрнул меня за ногу, и я спустился к нему.

— Полный порядок,— сказал он,— можно начинать.

Мы посмотрели друг другу в глаза. Шутка сказать, сейчас мы свяжемся с партизанами, сообщим численность немцев в нашей деревне, расскажем, в каких местах расположены огневые точки, где находится склад боеприпасов. И о приезде большого начальника тоже передадим. Вот здорово будет!

— Ну, ты или я? — спросил Славка.

— Ну, хоть ты!..— ответил я.

Славка поудобнее уселся возле аппарата, трубку положил на колени и потянулся к ручке телефона.

— Давай!— чуть слышно сказал я.

Славка кивнул головой и резко крутнул ручку...

Но то, что произошло в следующее мгновение, было больше, чем неожиданным. Воздух потряс страшный взрыв. Земля под нами дрогнула. От страха я ничком упал на землю, на меня что-то плюхнулось, я закрыл глаза, но долго ещё слышал, как по кустарнику и по сучьям деревьев что-то колотило, будто гигантские капли дождя: это падали сверху камни.

Славка был перепуган не меньше меня.

—Я ч-чуть не оглох. И с-сейчас в ушах звон стоит.

— Интересно, что это так рвануло, а?

— Не знаю.

Славка полез на камень.

— Фью-ить...— свистнул он.— Вовка, а церковь-то, как корова языком слизнула!

Это сообщение окончательно убило во мне дух геройства. Я всхлипнул:

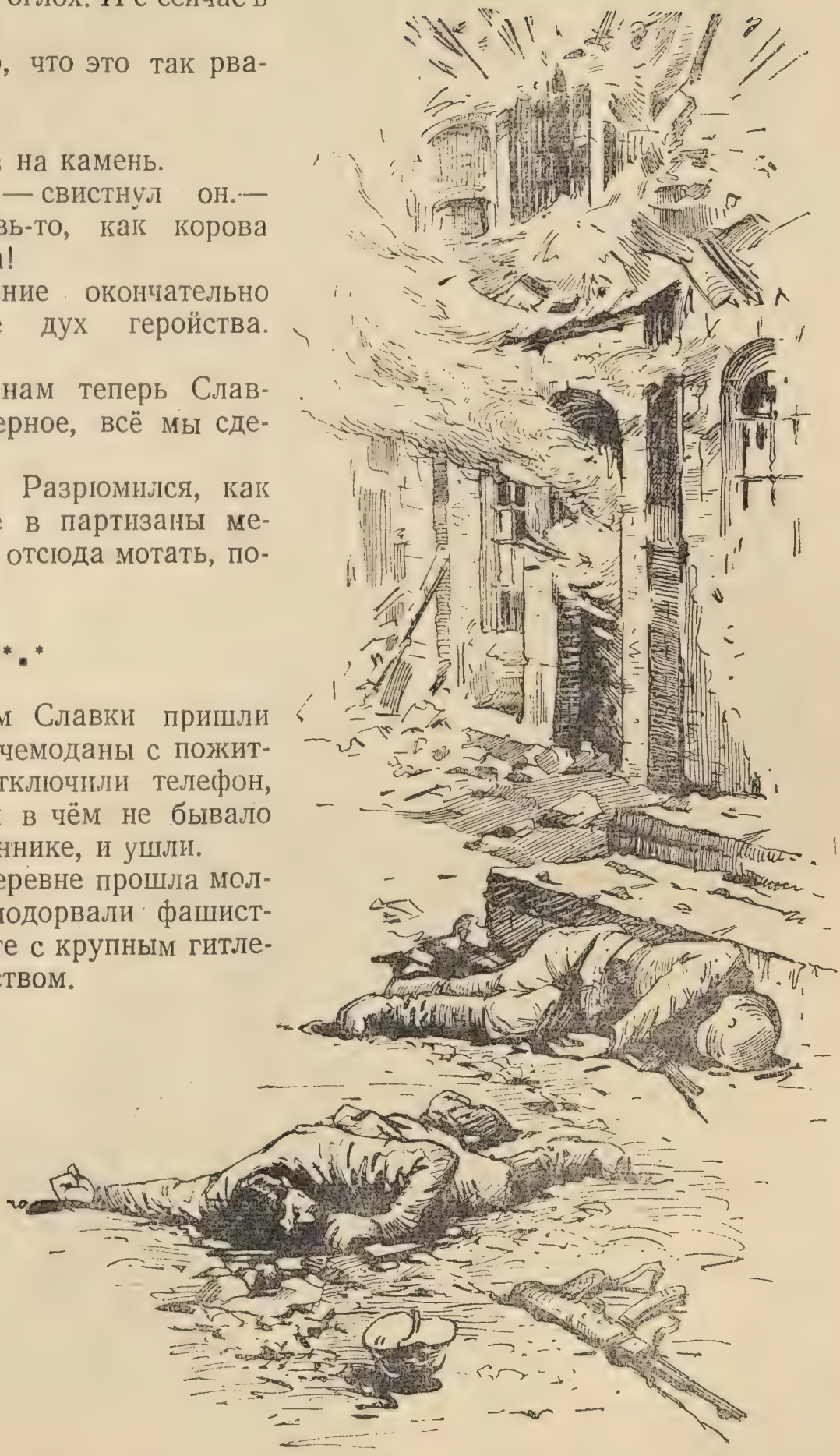
— Попадёт нам теперь Славка-а... Это, наверное, всё мы сделали-и...

— Тише ты! Разрюмился, как девчонка, а ещё в партизаны метишь... Давай-ка отсюда мотать, пока не поздно.

***

Ночью в дом Славки пришли немцы, забрали чемоданы с пожитками Крума, отключили телефон, который как ни в чём не бывало стоял на подоконнике, и ушли.

А утром по деревне прошла молва: партизаны подорвали фашистский штаб вместе с крупным гитлеровским начальством.



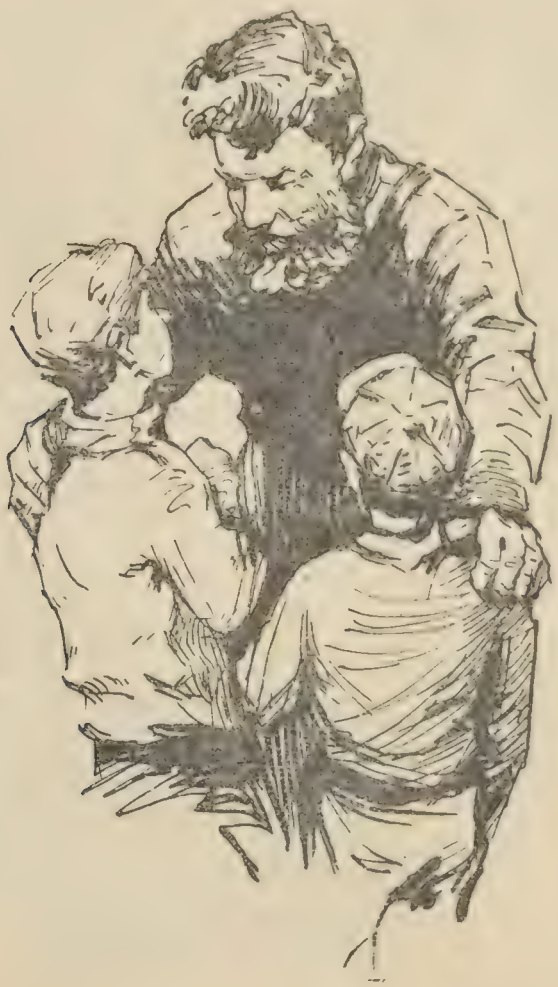
Долго мы не могли разобраться во всем случившемся. И только спустя месяц, когда нашу деревню освободили партизаны, мы узнали, что тогда произошло. Уходя в лес, они минировали церковь, полагая, что в прочном каменном здании фашисты обязательно расположат какой-нибудь значительный объект. И они не ошиблись. Но я и Славка опередили партизан. Подключив к проводам телефон, мы тем самым как бы подключили обычную подрывную машинку, применяемую минёрами. Когда же Славка повернул ручку, то индуктор телефона, выработав ток, послал его по проводам к запалу. Запал воспламенился, и произошёл взрыв.

Это нам объяснил командир партизанского отряда — высокий, худощавый человек с пушистой бородой. Да его так и называли все — товарищ Борода.

— Ну, а теперь хотите узнать, кого вы отправили к небесным праотцам?— спросил Борода, весело глядя на нас.— Самого командующего Сумской группировкой барона фон Клюмма.

Борода громко рассмеялся, крепко стиснул нас в своих объятиях и тихо добавил:

—Так, говорите, партизан искали?.. А ведь вы и есть самые настоящие партизаны! Ну, да! Юные партизаны!



ПАВЛИК МОРОЗОВ

Валентин БЫЧКО

Взрослым был бы теперь он,
водил бы в морях корабли,
Самолёты ли в небе —
сквозь тучи, и бури, и грозы.
Как бы рад был увидеть
он счастье родимой земли,
Славный ленинец наш,
незабвенный наш Павлик
Морозов.
Вот пришёл бы он к нам,—
в лес, на праздничный шумный
костёр,
Рассказал бы о жизни своей,
об уральском колхозе,
Нас бы обнял он всех,
словно братьев родных
и сестёр —
Первый наш пионер,
наш прославленный Павлик
Морозов.
Только нет его с нами теперь
у костра, у реки...
Как отважный боец,
как защитник советского строя,
Он погиб
на посту
от злодейской кулацкой руки.
Мы стократ отомстим
за крылатое сердце героя!
Павлик наш дорогой!

Нами ты никогда не забыт!
Мы учились,
как ты, никогда не бояться
угрозы.
И, как сердце твоё,
негасимый костёр наш горит.
Мы клянёмся тебе:
— Будем всюду, как Павлик
Морозов!

Перевёл с украинского Е. Ружанский.

Дедушкин характер

Евгений ПЕРМЯК

На берегу большого сибирского озера Чаны есть старинное село Юдино. Там я частенько живал в доме старика-рыбака Андрея Петровича. Старик, овдовев, и в большой семье был одинок до тех пор, пока на свет не появился внук. Тоже Андрей и тоже Петрович.

Все стариковские чувства, вся его любовь стали принадлежать теперь мальчику, который как бы начинал вторую жизнь Андрея Петровича. Во внуке дед узнавал свои черты, свой характер. Он так и называл его — «дедушкин характер».

Воспитывал внука сам Андрей Петрович. Помню, он говорил ему:

— Не можешь — не берись. А если уж взялся — сделай. Умри, но сделай.

Внуку тогда было шесть лет. Стояла морозная зима. Как-то я с маленьким Андреем отправился на субботний базар. Народищу — черным-черно. Понавезли на базар и мяса, и пшеницы, и дров, и всего, чем богаты эти края.

Мальчику бросилась в глаза большущая замороженная щука. Она была воткнута хвостом в снег. Не знаю, сколько весила эта щука, только её длина достигала добрых полтора роста Андрюши.

— Как ловят таких щук? — спросил меня Андрей.

И я рассказал, что для ловли таких щук берут крепкий шнур, делают поводок из мягкой кручёной проволоки. Сказал также, что для насадки крупного живца и крючок должен быть побольше, покрепче, чтобы сильная рыба не сломала, не погнула его.

Об этом разговоре я забыл и вспомнил только после того, как

произошло нечто удивившее меня.

Мы сидели и сумерничали с Андреем Петровичем в горнице. Старик то и дело поглядывал в окно. Поджидал внука.

Маленький Андрей, как и многие его одногодки, часто рыбачил на озере. Мальчики продалбливали во льду лунки и опускали в них свою нехитрую рыболовную снасть. Без удачи ребята домой не возвращались. Озеро Чаны богато рыбой. И для удильщиков здесь сущее раздолье.

— Не приключилось ли что с ним?— забеспокоился старик.— Не побежать ли мне на озеро?

Я вызвался пойти туда вместе с Андреем Петровичем. Оделись. Вышли на лёд. Озеро в ста шагах. Мороз под двадцать — двадцать пять градусов. Тишина да снег. Никого. Вдруг я заметил чёрную точку.

— Не он ли?

— Не иначе, что он,— сказал старик, и мы направились к чёрной точке, которая вскоре оказалась внуком Андрея Петровича.

Мы увидели мальчика в слезах. Руки его были до крови изрезаны рыболовным шнуром. Он явно поморозил нос и щёки.

Старик подбежал и начал оттирать снегом лицо внуку. Я взял из его рук шнур. Для меня стало сразу всё понятно. Малчик поймал щуку, которую не мог вытащить.

— Побежим, внучонок, домой,— торопил его дед.

— А щука-то? Как же щука?— взмолился мальчик.

Тем временем я вытащил щуку. Утомлённая рыба не сопротивлялась. Это была из тех щук, которых привозят на базар не столько для барыша, сколько для погляда. Их мясо невкусно и жёстко.

Щука не долго билась на морозе. Дед с гордостью посмотрел на громадную рыбу, потом на внука и сказал:

— Не по плечу дерево... Ну, да ведь ты не знал, что такая разбойница тяжелее тебя попадёт... Давно ли попалась-то она?

И мальчик ответил:

— В обед.

Андрей Петрович улыбнулся в бороду:

— Значит, ты с ней часа четыре валандался...

— Долго!— ответил, повеселев, Андрюша.— А привязать было не к чему.

Старик, оттерев лицо и руки мальчика, повязал его своим шарфом, и мы отправились к дому. Уснувшую щуку я тянул за собой по снегу на шнуре.

Дома Андрюшу раздели, разули, натёрли снадобьями, перебинтовали его изрезанные руки. Он вскоре уснул. Спал мальчик тревожно. У него был лёгкий жар. Он говорил во сне: «Не уйдёшь, зубастая, не уйдёшь... У меня дедушкин характер...

Андрей Петрович, сидя на дальней лавке горницы, незаметно вытирал слёзы.

К полуночи мальчик успокоился. Жар спадал. Наступил ровный, спокойный детский сон.

Старик в эту ночь не сомкнул глаз. А утром, когда Андрюша проснулся, старик сказал ему:

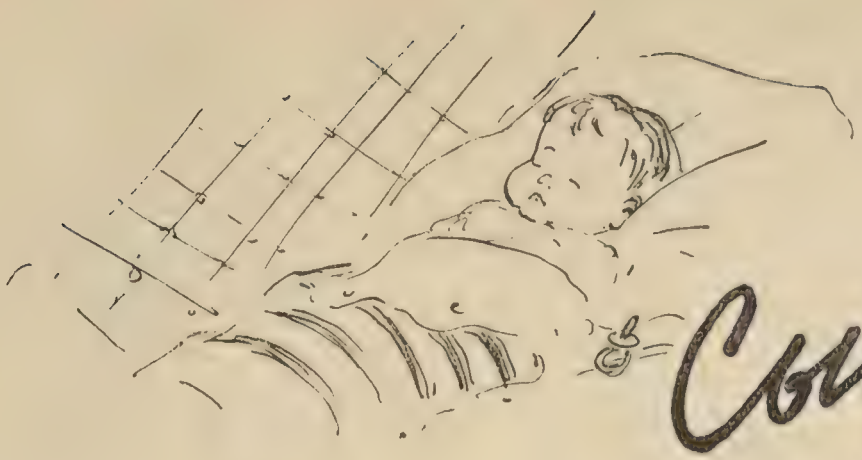
— А всё-таки ты, Андрей Петрович, худо дедов наказ помнишь. Не по своей силе рыбу задумал поймать. Крюк-то гляди какой привязал. Как якорь... Значит, именно, ты метил срубить дерево не по плечу. Худо это, худо.

Мальчик, потупившись, молчал. А дед внушал:

— Ну, да первая оплошка в счёт не идёт. Она как бы за науку считается. Впредь только таких щук не лови, которых другим за тебя надо вытаскивать. Стыдно это. Народ просмеивает тех, что не по спине мешок на себя взваливают, что не по кулаку замахиваются... А то, что ты не отступился от неё — это правильно.

Тут два Андрея Петровича улыбнулись, потом обнялись.

Щука лежала в сугробе, припорошённая снегом. Когда же пришла суббота, Андрей Петрович вынес её на базар и воткнул хвостом в снег. Он просил за неё слишком дорого. Потому что ему вовсе не хотелось продавать эту чудо-рыбину. Ему нужно было рассказать людям, каков характер у его внука Андрея Петровича Шишкина, шести лет от роду, который знает уже одиннадцать букв и может считать до двадцати без осечки.



Сыну

Борис ГЛУШКОВ

В цветы на вазу юркнул лучик тонкий
И с лепестками водит карусель...
Стоим мы с матерью и смотрим на мальчонку —
Уснул сынок, затихла колыбель.
В молчаньи счастье кажется значимей.
Нужны ль слова? Светло у нас в душе.
Мы выбираем ласковое имя,
Находим сходство с нами в малыше,
Вот в этом крохотном, смешном, пискучем,
Что спит в постельке безмятежным сном,
Вот в этом чистом, как весенний лучик,
Скользнувший на цветы через окно.
У нас с курносым связано немало
Больших надежд. Вот подрастёт малыш
И первый шаг — больших шагов начало,
Как первый подвиг детства совершит.
Пройдут года. Ну, много ли? И школы
Заветный переступит он порог...
Кем будет он, наш паренёк весёлый,
Какую облюбует из дорог?
Жизнь велика, дорог в ней очень много.
Он лёгкую себе не изберёт.
Быть может, это —к целине дорога,
Быть может, море парня увлечёт.
Нам хочется, чтоб вырос он красивым,

Чтоб был здоров, трудолюбив, умён,
Чтоб молодая, крепнущая сила
Во все года не утихала в нём.
Чтоб смело шёл с друзьями к светлой цели,
Любил народ, любил свою семью...
...Вот видишь, сын, ещё ты в колыбели,
А мы всю жизнь продумали твою.

„Лёня — мясокомбинат"

Ирина КРУГЛИК

Тетради и учебники, аккуратно обёрнутые одинаковой голубой бумагой, медленно, словно нехотя, занимают свои места в портфеле. Лёня складывает их, не глядя. Он смотрит в окно, в одну точку, как смотрят люди, озабоченные какой-то неотвязной мыслью. Лёне сегодня очень не хочется идти в школу. Нет, он не боится получить плохую отметку! Уроки, как всегда, выучены, тетради чистые. Лёня боится другого. Серёжа, наверное, уже всем рассказал о том, что произошло вчера, и снова Лёню даже девчонки поднимут на смех и станут дразнить «мясокомбинатом». Почти у всех ребят в классе есть какие-нибудь прозвища, но такое обидное досталось только ему, Лёне. Это потому, что Лёня самый толстый в первой смене.

Мама говорит, что он просто упитанный ребёнок, что на него приятно посмотреть. Но папа с ней не согласен. Папа даже сердится.

Сколько раз он наблюдал: начнут ребята играть во дворе и Лёня с ними. Игры у них всегда шумные, с беготнёй. Лёня побегает, побегает, да и присядет —«не хочу больше играть, надоело, неинтересно...» Папа-то понимает, что Лёня просто ленивый, да и тяжело ему за товарищами угнаться, такому толстому.

— Увалень ты, увалень!— качает он головой.— Что только из тебя вырастет? Ты бы хоть зарядку по утрам делал. Подожди, возьмусь я за тебя!

Только никак не соберётся папа «взяться» за Лёню — много у него работы. Мама же своего любимца жалеет. Будить пораньше, чтобы зарядку делал? Нет, пусть поспит мальчик, он и так утомляется в классе.

А Лёня и правда очень утомляет-

ся. Другие ребята на перемене бегают, играют, шумят. Он и не бегает и не шумит, только смотрит на них, и всё равно, как начнётся урок, так его ко сну тянет, прямо глаза сами закрываются.

Учительница Вера Александровна специально из-за этого маму в школу вызывала.

— Наверное, у Лёни неправильный режим дня,— сказала она.— Надо ему физкультурой заниматься, вялый он у вас какой-то, пассивный очень...

Папа с Верой Александровной полностью согласился. Но мама ужасно рассердилась и на папу и на Веру Александровну.

— Какая может быть ещё физкультура, когда ребёнок и так переутомляется? А что во время перемен он не носится с этими сорванцами, так только радоваться нужно. Он просто воспитанный мальчик.

— Да не мальчик он, а «мясокомбинат»! Правильно его ребята дразнят,— вспылил папа.

Лёня во время этого разговора уже лежал в постели и притворялся, что спит. Последние папины слова были для него такой неожиданностью, что он не выдержал:

— И ты тоже... дразнишься... Какой я тебе «мясокомбинат»?— Голос Лёни дрожал от едва сдерживаемых слёз.

— Да маленький ты мой, да деточка ты моя золотая. Ну, не плачь, родной. Папа не хотел тебя обидеть, он больше так не будет! — мама опустилась на колени перед Лёниной кроватью, обняла его, и сын, привычным движением уткнувшись

в её грудь, приготовился всласть выплакаться.

И тут папа, который никогда ни на кого не повышал голоса, прикрикнул:

— Сейчас же перестань слюни распускать! Не парень, а размазня какая-то растёт!

Мама от папиного крика растерялась не меньше, чем Лёня. Лицо её покрылось красными пятнами, она крепче прижала к себе сына и, из последних сил сохраняя выдержку, проговорила:

— Почему ты кричишь? Ребёнок и так нервный...

— Скажите пожалуйста — нервный! С этого возраста ещё нервы какие-то! Изнежили! А ну-ка, оставь нас, я с ним поговорю...

Лёня переводил взгляд с мамы на папу, потом снова на маму. Слёзы у него как-то моментально высохли, а сердце колотилось быстро-быстро. Он был по-настоящему испуган. Мама собралась что-то возразить, но папа так сердито сказал ей «Ну!», что она, ни слова не возразив, вышла из комнаты.

Папа молча разглядывал сына. Постепенно его сердитые глаза подобрели, он улыбнулся и присел на Лёнину кровать.

— Видишь, до чего вы меня довели,— сказал он виновато.— Давайка подумаем, как нам с тобой жить дальше.

Говорили они долго. Встревоженная мама несколько раз подкрадывалась на цыпочках к двери и подглядывала в щёлочку. Убедившись, что беседа проходит мирно и её сокровище не плачет, она успокоилась и ушла в кухню.

Обо всём переговорили папа с сыном — и о том, что Лёне надо зарядкой заниматься, и на лыжах зимой ходить научиться, и с ребятами больше играть.

— Хочу, чтобы ты у меня парень, как парень, был,— говорил папа,— чтобы сдачу мог дать, если кто полезет, чтобы не дразнили тебя ребята. И потом, скажи, пожалуйста, почему к тебе никто из класса не приходит? Неужели у тебя нет ни одного товарища?

Лёня засопел, опустив глаза.

— Ну, что ты молчишь?— допытывался папа.— Это, брат, никуда не годится, если человек один, если с ним никто не хочет дружить.

Лёня очень хотел бы дружить с каким-нибудь мальчиком, дружить по-настоящему, как в книгах про это пишут. Только разве у них в классе можно найти себе такого друга — благородного, смелого и чтобы он для него, Лёни, даже жизни своей не пожалел...

После разговора с папой Лёня много думал о том, с кем бы подружиться, и решил, что, пожалуй, Серёжка Востриков подходит для этого. Он немножко даже благородный: как-то ребята с соседнего двора хотели Лёню в снегу вывалять, так он за него заступился.

Живёт Серёжка с Лёней в одном доме и иногда приходит к нему списать из дневника, что задано. Учится он не так, чтоб уж очень хорошо, может быть, потому, что чересчур увлекается футболом и вообще физкультурой. Он быстрее всех ребят бегает, здорово подтягивается на турнике, а зимой на лыжах не боится скатываться с самых крутых горок.

Как только Лёня решил подружиться с Серёжкой Востриковым, он стал стараться из школы и в школу ходить с ним вместе. Забавно было смотреть на них! Лёня толстый, важный, идёт медленно, вразвалку, а Серёжа, особенно если в это время интересный разговор ве-

дётся, крутится около него, забегает вперёд, быстрый такой и худой-прехудой. Он сам над собой смеялся, говорил, что мама его зовёт вешалкой. И правда, форма на нём всегда, как на вешалке, болтается. Зато сильный Серёжка и ловкий — всем на удивление, потому что — физкультурник!

Лёня, даром что сам ничего не умеет — ни бегать, ни прыгать, а как стал с Серёжей дружить, очень хвастался:

— Вот посмотрите, Серёжка обязательно каким-нибудь чемпионом будет!— говорил он ребятам.

Серёжка мечтал о собственном велосипеде — красивые такие в универмаге продавались, подростковые.

— А я захочу, мне мама хоть завтра купит,— заявил Лёня.

— Хвастаешь... Они ведь дорогие,— недоверчиво протянул Серёжа.

Но Лёня не хвастал. Велосипед ему купили, и вчера с самого утра оба друга старательно вытирали обнову, снимая с блестящих никелированных частей слой смазки.

Серёжка был так возбуждён, так рад, словно не Лёне, а ему купили эту великолепную машину.

Лёня быстро устал сидеть на корточках и охотно уступил другу честь протереть тонкие, блестящие спицы колёс. Всё было хорошо до того самого момента, пока велосипед не вынесли на улицу.

— Дай попробую!— попросил Серёжка, весь горя от нетерпения.

Лёня важно кивнул головой, потому что ему, с одной стороны, было приятно чувствовать себя хозяином красавца велосипеда, а с другой — он вовсе не спешил начать кататься: ведь неизвестно было, что из этого получится.

Серёжка вывел велосипед на асфальтированную улицу. Вечером сюда съезжается масса велосипедистов, и тогда просто страшно бывает переходить на другую сторону. Велосипеды, большие и подростковые со звонками различных тонов и громкостей, с моторчиками и без моторчиков становятся серьёзной угрозой для пешеходов.

Но утром на улице было тихо и пустынно, и Серёжка получил полную возможность показать своё умение и замечательные качества Лёниного велосипеда.

Когда Серёжка уже пятый раз проносился мимо Лёни, на улицу вышла мама.

— Серёженька, ты бы осторожней!— сказала она.— Поучи теперь Лёню, а я понаблюдаю за вами.

Ну, и ничего не получилось. Лёня не может без стыда вспоминать о вчерашнем дне. Мама охала поминутно, боялась. Лёня от её оханья совсем струсил и плохо понимал Серёжкины наставления.

Велосипед почему-то стремился свалиться то вправо, то влево и, конечно, сбросить Лёню. Руль, вместо того чтобы повёртываться только тогда, когда этого хочет Лёня, вёл себя совершенно независимо, а колёса, назначение которых состоит в том, чтобы крутиться, вовсе не желали делать этого.

— Ты, самое главное, не бойся! — хлопотал Серёжка.— Я, когда учился, знаешь как падал!

— Я и не боюсь!— пыхтел Лёня,— мне бы только разогнаться...

Но разогнаться Лёне так и не пришлось. Велосипед тяжело повалился набок, мама не успела удер-

жать «лихого гонщика», он упал и до крови ободрал коленку. Всё бы это было ещё ничего — кто не падал!— но Лёня заревел, заревел громко, как маленький. А мама, увидев кровь, побледнела, схватила его за руку и утащила домой перевязываться.

Велосипед привёл Серёжка. Можно было бы ещё как-то исправить положение, если бы опять не мама. Она сердито выхватила у Серёжки велосипед и сказала, что это он подбил Лёню на дурацкую затею, что ребёнок ещё слишком мал и что с неё достаточно: велосипеда они больше не увидят!.. Теперь, конечно, и дружба с Серёжкой расклеится, и ребята задразнят...

Лёня защёлкнул портфель, натянул пальто и вышел на улицу. Шёл не спеша, чтобы явиться к самому звонку: всё-таки меньше времени останется ребятам для насмешек.

На школьной лестнице ему повстречалась Вера Щеглова. Лёне показалось, что эта быстроглазая девчонка как-то особенно насмешливо посмотрела на него и хмыкнула.

«Уже знает»,— подумал Лёня, и сердце его тоскливо заныло.

В класс он вошёл под заливистую трель школьного звонка. Ребята шумно усаживались по местам, и на Лёню никто не обратил никакого внимания.

Первым был урок истории.

Лёня слушал Веру Александровну очень невнимательно, потому что всё время со страхом думал о перемене.

Когда прозвенел звонок, Лёня первым вышел из класса: он соб-

рался подняться на пятый этаж, к двери, ведущей на школьный чердак, и там пересидеть до начала второго урока.

— Лёнь, подожди-ка!— услышал он за спиной весёлый Серёжкин голос и подумал: «Ну вот, начинается!»

— Лёнь, новость знаешь?

— Какую ещё новость?— Лёня весь как-то напрягся в ожидании подвоха.

— Последнего урока не будет: Николай Михайлович заболел, а мы вместо урока пойдём в краеведческий музей, на экскурсию!— одним духом выпалил Серёжка.

Он был довольнёшенек: вместо того чтобы чинно сидеть за партой, он будет ходить по музею и рассматривать всякие диковинные вещи.

А Лёня недоверчиво смотрел на товарища и думал: рассказал он ребятам про вчерашнее или нет?

Снова звенел звонок, перемены сменялись уроками, уроки — переменами, и, наконец, все собрались у школьного крыльца, чтобы пойти в музей. Лёнины опасения рассеялись окончательно. «Серёжка никому ничего не рассказал! Всё-таки он настоящий и благородный друг»,— думал Лёня, глядя на своего товарища, и какое-то хорошее, ранее не знакомое ему чувство приятным теплом согревало мальчика, даже в горле защипало. Ему захотелось самому сделать Серёжке что-нибудь хорошее, чтобы тот почувствовал, что и он, Лёня, ему тоже настоящий друг. Только что́ сделать, Лёня ещё пока не знал...

Экскурсия в музей прошла очень хорошо. И оттого, что у Лёни на душе стало радостно, всё ему казалось особенно интересным.

Домой, как всегда шли с Серёжкой. Серёжка азартно, на всю улицу доказывал, что если они не запишутся в секцию туристов-краеведов, то им будет, как говорит мама, грош цена в базарный день.

Прощаясь у подъезда, он впервые за весь день вспомнил о вчерашнем:

— Ну, чего у тебя нога-то? Болит?

— Да нет, с утра немножко больно было ступать, а сейчас во — смотри!— и Лёня поболтал своей раненой ногой.— Завтра поедем опять? Поучишь меня?

— Ага!— готовно отозвался друг.— Ты, самое главное, не бойся!— повторил он своё любимое правило. И тут же встревожился:— А мама тебя отпустит?

— Отпустит!— весело крикнул Лёня, входя в подъезд.— Не станет отпускать, так мы с папой её уговорим!

Поздно

И. ДАВЫДОВ

С утра настроение у Коли было прекрасное: в двенадцать часов в заводском клубе — ёлка. Первоклашки уже были на ёлке и, захлёбываясь от восторга, рассказывали, что там дают подарки, а у дверей всех, кто входит в клуб, встречает дед-мороз и выдаёт маски.

«Только бы не опоздать!— думал Коля.— А то вдруг масок не хватит».

Коля готов был бежать на ёлку, как только проснулся, но мама, не торопясь, готовила завтрак, а потом попросила принести дров и два раза посылала за водой. После этого Коле пришлось подметать комнаты. Он уж и так хитрил: вёдра набирал почти до половины, чтобы можно было быстрее идти, под кроватями не мёл, а выбраться из дому всё никак не удавалось.

Наконец, в четверть двенадцатого мама дала ему чистую рубашку, шёлковый пионерский галстук и выглаженные брюки. Ботинки Коля вычистил ещё с вечера, поэтому собрался он быстро и уже минут через пятнадцать шагал по улице.

До клуба недалеко — три квартала, но Коля всё-таки торопился. Насчёт подарка он не волновался — их на всех хватит. А вот масок, говорят, мало.

Вдруг мимо Коли пронеслись к клубу трое ребят.

«Опаздываю!»— решил он и тоже хотел бежать, но, присмотревшись к ребятам, понял: тут что-то не то. Передний метался по всей улице и то и дело оглядывался назад. Коля узнал в нём Генку Сидорова из их класса. А за Генкой бежали Лёвка Чесноков и ещё какой-то незнакомый мальчишка.

Лёвку Чеснокова знали все ребята заводской школы. И многие боялись его. Он сидел во втором классе третий год и мог отлупить кого хочешь.

Коля вспомнил, что в последний день перед каникулами Севка Лапин поссорился с Генкой и сказал:

— Вот погоди! Научу на тебя Лёвку Чеснокова — тогда узнаешь!

— Подумаешь!— махнул рукой Генка.

А теперь вот что получается... наверно, Генка шёл в клуб, а они его подкараулили.

Как назло, в этот момент у Коли развязался шнурок на ботинке. Наверно, дома второпях плохо завязал.

Коля поставил ногу на низенький забор чьёго-то палисадника и начал завязывать шнурок. Пальцы на морозе не слушались, двигались медленно.

Когда Коля снова пошёл вперёд, ни Генки, ни Лёвки Чеснокова, ни третьего мальчишки уже нигде не было.

Скоро Коля увидел их во дворе заводской поликлиники. Сегодня, в воскресенье, поликлиника не работала. Двор был пуст, и на его середине Лёвка Чесноков с незнакомым мальчишкой вовсю колотили Генку. Он вертелся, как юла, пытался вырваться, но они его не пускали.

У Коли сжались кулаки. Налететь бы сейчас на них сзади! Вот бы здорово! Тогда ещё посмотрели бы — кто кого! Они с Генкой тоже драться умеют!

Ну, а ёлка? А подарок? А маска? Чего же — всему этому пропадать? Насажают синяков, разорвут что-нибудь... Куда после этого пойдёшь?

Коля ещё немного посмотрел во двор и решил: «Лучше не связываться».

Он отвернулся и быстро пошёл к клубу.

Ребята стекались к подъезду клуба со всех сторон. Многие смеялись, шутили. А Колю уже ничто не радовало.

В раздевалке Вера Сазанова спросила его:

— Ты чего такой дутый? Сегодня праздник, а ты...

— Не твоё дело!— буркнул Коля и отвернулся.

На глаза ему попались часы. Было всего без четверти двенадцать. Зря он так торопился! А там, наверно, Генку лупят...

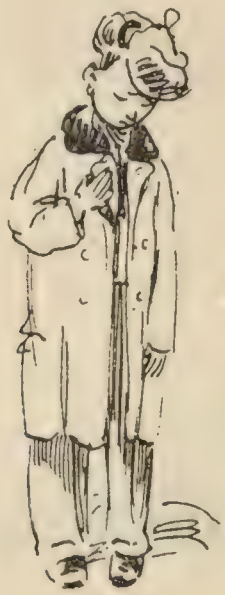
Коля вдруг понял, что не сможет ни веселиться на ёлке, ни есть конфет, ни надеть маску, если сейчас же не поможет Генке.

...Застёгивая на ходу пальто, он выбежал на улицу и помчался к за-

водской поликлинике. Но, когда он влетел в ворота, двор был пуст. Коля выбежал на середину и поглядел по сторонам — ребят нигде не было. Он тяжело вздохнул, сдвинул шапку на затылок и вытер со лба пот.

Поздно!

Возле своих ног, на снегу, Коля заметил несколько маленьких красных кружочков. Он нагнулся и вдруг понял, что это капельки крови. Видно, Генке разбили нос...



В этом номере мы публикуем стихи о детях Севера — о маленьких ненцах. Написал их ненецкий поэт Иван Истомин. Живёт он в городе Салехарде — столице Ямало-Ненецкого национального округа. До Октябрьской революции ненцы, разбросанные на большой территории от Кольского полуострова до Енисея, жили в тяжёлых условиях царского и национального гнёта. Не было у народа ни школ, ни даже своей письменности. Теперь в богатых оленеводческих, охотничьих и рыбацких колхозах дети ненцев учатся в школах-интернатах, читают произведения русских и своих, ненецких, писателей.

Иван Григорьевич Истомин является автором учебника ненецкого языка. Его художественные произведения знают и любят читатели Ненецкого, Ямало-Ненецкого, Ханты-Мансийского национальных округов Российской Федерации.

И. Истомин издал книги стихов и прозы, из которых наиболее известны: «Любимый Север» (стихи) и «Утро Ямала» (проза).

УТРО В ТУНДРЕ

Иван ИСТОМИН

Только небо заискрится,
Снег под солнцем
заблестит,
Нам по радио столица
«С добрым утром!»
говорит.
И берутся все за дело:
В стаде смена — смена
пастухов,

Вон охотник — в тундре
белой,
Рыбаки — везут улов...
А над нашей школьной
крышей
Самолёт пророкотал...
Мы в своих тетрадках
пишем:
«Новый день труда
настал!»

Рыбаки-охотники

Иван ИСТОМИН

Когда идёт урок труда,
То весело у нас.
Мы очень ждём его всегда.
Мы любим этот час!

На лыжах в тундру мы идём.
Капканы ставим в снег.
Ружьё сверкает за плечом.
Работа есть у всех!

Другие классы на Оби
Рыбалкой занялись.
А ну-ка, лунку проруби!
Да шире, не ленись!

Нас Окатэтто-рыболов
Рыбачить обучил,
А Сератэтто-зверолов
В охоте наловчил.
Навек сдружились мы с трудом —
Теперь нигде не пропадём!

Авка

Привезли весной мне
оленёнка.
Малыша все в доме кличут
Авка.
Молоком его вдвоём с
сестрёнкой
Мы поим из ковшика на
травке.

Я его, хорошего, ласкаю
И такую песню напеваю:

— Милый Авка-оленёнок,
До чего же ты красив!
Пусть и слаб пока, и тонок,
И по-детски шаловлив,

Но какой ты, всё же, милый
С белой звёздочкой на лбу!
Набирай быстрее силы
И скорее взрослым будь.

Станешь ты в моей упряжке
Быстроногим вожаком.
По заснеженным овражкам
Мы помчимся прямиком.

А на скачках мы приедем
Раньше всех ребят с тобой.
Вырастай же поскорее,
Оленёнок дорогой!

Пароход

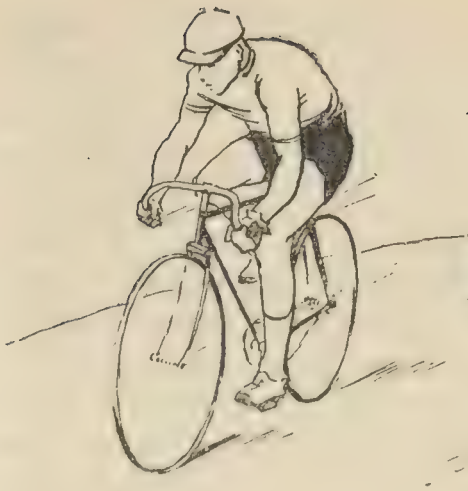
Иван ИСТОМИН

Повторяясь эхом долгим,
Загудело над посёлком:
— Пароход идёт! Ура!
Видишь, сбоку якоря!

Наконец, большой, красивый,
Он пристал неторопливо.
Трюм открылся:
— Не зевай!

Поскорее выгружай!
Я привёз вам фрукты с юга .
В край, где в мае злится вьюга.
А обратно поутру
Я пушнину заберу.

Перевёл с ненецкого
И. ЛЫСЦОВ



КОВШИК воды

Владимир СЫРЕЙЩИКОВ

Вася Петухов был очень недоволен. Для этого у него было много причин: во-первых, жара, а во-вторых, вода и мама. Вообще-то жара — это, с одной стороны, даже очень хорошо. Можно купаться, загорать, ловить рыбу. Можно сходить в лес за ягодами или за грибами. Однако, с другой стороны...

Из-за этой самой жары высох находящийся в соседнем дворе колодец, и мама поручила Васе принести воды из ключика, а он был чуть ли не на противоположном конце села. Ради этого мальчику пришлось отказаться от рыбалки возле Крутого Яра, где, как клялся Колька Силантьев, водились огромные окуни.

И вот Вася несёт два полных ведра. Об одно из них позвякивает ковшик, которым он черпал из родника воду. Несёт Вася вёдра и ворчит. Ворчит на жару, на маму и на воду. Он прошёл ещё совсем немного, как у него заломило руки, и он остановился передохнуть. Это было как раз возле Проезжей улицы, где проходило шоссе, или, как его здесь называли, Сибирский тракт.

Мальчик совсем уже было взял в руки вёдра и собирался перейти дорогу, как увидел неподалёку облачко пыли. По обочине мчался велосипедист. Васю удивило, что он был в трусах, в промокшей от пота майке с рукавами и каких-то смешных перчатках без пальцев. На спине у него был нашит номер 34. Неожиданно, когда велосипедист проезжал как раз мимо мальчика, раздался странный шипящий свист.

— Опять прокол,— останавливаясь, сокрушённо пробормотал, словно про себя, велосипедист. Он быстро перевернул машину, поставив её на руль и седло, отвинтил гайки-барашки, снял переднее колесо и сорвал с него какую-то необычную камеру, состоящую всего из одной трубки. Затем он достал откуда-то такую же точно другую и надел её на обод. Десять — двена-

дцать энергичных качков насосом, и она сразу стала упругой и твёрдой.

Пока тридцать четвёртый занимался ремонтом, мимо проскочило несколько так же одетых велосипедистов, только с другими номерами. Их уже не было видно, когда остановившийся гонщик закончил свою работу. Он уже садился на машину, но в этот момент заметил Васю.

— Мальчик,— сказал велосипедист, с трудом шевеля пересохшими от жажды губами,— дай напиться.

— Конечно, конечно, пожалуйста,— заторопился Вася и протянул до краёв наполненный ковшик.

Велосипедист мгновенно его осушил, затем легко вскочил на машину и уж на ходу благодарно бросил:

— Спасибо, друг. Выручил.

Прошло всего несколько секунд, и тридцать четвёртый номер исчез за поворотом. Вася проводил велосипедиста взглядом и взял вёдра. Они теперь показались ему гораздо легче, чем вначале, совершенно не чувствуя усталости, он бодро и уж без остановок дошёл до самого дома.

А вечером, когда по радио передавали последние известия, Вася услышал сообщение о велосипедной гонке: «Первым пришёл к финишу мастер спорта Алексей Иванов, стартовавший под номером тридцать четыре. Он опередил ближайших соперников на две с лишним минуты...»

У Васи даже перехватило дух. От восторга он прошёлся колесом по комнате. Можно было подумать, что первое место занял не известный всей области велосипедист, а он сам, Вася Петухов, шестиклассник средней школы из села Заречного.

«Может быть... Может быть,— ликуя, думал Вася,— ему помог и мой ковшичек воды. Ведь он же сам сказал, что я его выручил и что я его друг».

Сто сорок сантиметров

Сто сорок сантиметров — это был предел мечтаний Витьки Головина. Сто сорок сантиметров он видел во сне. Из-за ста сорока сантиметров ему однажды чуть-чуть не поставили двойку по алгебре, так как, задумавшись, он ничего не слышал из объяснений учителя. Сто сорок сантиметров... Впрочем, начнём по порядку.

Прошлым летом Витька записался в легкоатлетическую секцию и решил серьёзно заняться прыжками в высоту. Поначалу всё шло хорошо. Уже на первой тренировке Витька легко взял сто тридцать пять сантиметров — больше всех остальных ребят. И лишь когда поставили сто сорок, он, не рассчитав разбега, сбил ногой планку.

— Ничего,— сказал тренер Николай Иванович.— Из тебя выйдет толк. Через две-три недели эта высота будет для тебя пройденным этапом.

С тех пор прошёл год. Но как ни бился Николай Иванович, сто сорок сантиметров по-прежнему оставались для Витьки мечтой. Чего только не придумывал тренер! Он и удлинял и укорачивал разбег, уменьшал и увеличивал его угол, заставлял Витьку то начинать с этой высоты, то ею заканчивать. Всё было напрасно. Витька с большим запасом брал сто тридцать пять, сто тридцать семь и даже сто тридцать девять сантиметров. Но как только устанавливалось сто сорок, мальчика нельзя было узнать. В его движениях появлялась какая-то вялость, нерешительность. Он словно нехотя разбегался, делал неуверенный толчок и, конечно, сбивал планку...

Вот чем были в Витькиной жизни сто сорок сантиметров. Вот почему он думал о них и днём и ночью. Раньше Витька очень любил тренироваться. Теперь ходить на занятия стало для него наказанием, и он твёрдо решил бросить секцию.

— Схожу сегодня в последний раз,— пообещал он сам себе.

Придя на стадион раньше всех, Витька ещё издали увидел Николая Ивановича, который сидел на тра-

ве, возле новеньких, видимо, только что установленных стоек для прыжков.

— Я, Николай Иванович, пришёл попрощаться. Ухожу из секции,— Витька махнул рукой.— Всё равно ничего у меня не выходит.

— Да, — равнодушно сказал тренер, словно это его и не удивило.— Пожалуй, ты прав. Чтобы стать хорошим прыгуном, тебе не хватает самого важного качества: смелости... Только вот что. Давайка, пока никого нет, обновим эти стойки. Поставь сто тридцать.

Витька сам подвинтил скобы, установив их против чётко написанных цифр, и осторожно укрепил планку. Ему, правда, показалось, что она находится несколько выше, чем нужно, но он сразу же откинул эту мысль, так как отметку высоты видел своими собственными глазами. Легко разбежавшись, он без всякого труда перемахнул через планку.

— Так,— удовлетворённо сказал Николай Иванович.— А теперь поставь сто тридцать пять.

Витька взял и эту высоту. Затем он прыгнул сто тридцать семь, сто тридцать девять и нерешительно посмотрел на тренера, который уж давно подошёл к самым стойкам.

— Ты знаешь, Витька,— улыбаясь, начал Николай Иванович.— Что-то мне не внушают доверия эти новенькие стоечки. Вот тебе мерка. Взгляни-ка, верно ли на них обозначена высота...

Витька с готовностью взял линейку и не поверил своим глазам: разметка была уменьшена ровно на десять сантиметров. Вместо ста тридцати сантиметров было сто сорок. А вместо ста тридцати девяти — сто сорок девять!

— Вот так вот, Витька!— ласково продолжал тренер.— Не надо бояться. Больше надо верить в свои силы. Прыгун должен быть смелым.

На лыжах

С. ЕГОРОВ

Весь в снегу посёлок.
С полной сумкой книжек,
Споря с ветром,
В школу
Я бегу на лыжах.
Снеговые горы —
Высота какая!
В огоньках задорных
Зимний путь
сверкает.

Хорошо по насту
Голубому мчаться.
От большого счастья
Сердце бьётся часто.
В этот день весёлый
Даже жаль немного,
Что до нашей школы
Коротка дорога.

Спасибо!

Николай МЕРЕЖНИКОВ

Кой-где проклюнулась трава,
Подснежник вышел на лужайку.
Весна, вступив в свои права,
В знакомый лес вошла хозяйкой.

Взяла у солнышка тепла
И растопила снег без спросу.
Серёжки вербам раздала.
Вплела берёзам ленты в косы.

И по ночам не знала сна,
Спешила всё закончить к сроку,
Встречать готовилась весна
Своих друзей из стран далёких.

И призадумалась весна;
Куда селить друзей пернатых?
Но вдруг увидела она:
Пришли на помощь к ней ребята.

И много новеньких домов
Под вешним ветром закачалось.
Весна на сотне языков
«Спасибо!» школьникам сказала.

Я пройдёмся по дому, где живут камни

Белла ДИЖУР

На одной из тихих улиц Свердловска есть большой белый дом. Закруглённый фасад и огромные окна даже внешне отличают его от других домов этой же улицы. Но войдём внутрь, обойдём все четыре этажа, и мы убедимся, что дом этот необычный. Комнаты его заселены камнями. Это — геологический музей.

Под стеклом, на бархатных цветных подушечках, дремлют похожие на кусочки вечернего неба сапфиры, травянистые изумруды, свежие, словно вода горных ручьёв, прозрачные хрустали. Мрачно поблескивают чёрные турмалины. На особых подставках покоятся причудливые глыбы гранита, кварца, малахита, яшмы.

До чего же хороши все эти камни! И трудно сказать, что красивее: фиолетовые аметисты или золотисто-зелёные хризолиты, кровавый александрит или нежные топазы.

Я прохожу мимо всех этих несметных богатств и невольно останавливаюсь там, где табличка, указывающая месторождение, содержит знакомое мне имя рудника, прииска или города.

В царстве цветных руд

Тихо-тихо здесь, в этом царстве камней... Может быть, потому так хорошо бродить из одной комнаты в другую и вспоминать, вспоминать свои встречи с различными рудами на их родине или в заводе, где их перерабатывают.

Вот массивные куски вишнёвых бокситов. Природа старательно спрятала в них крылатый металл — алюминий. Она соединила его с десятком других веществ и так замаскировала, что узнать его стало совершенно невозможно. Кроме того, природа упрятала его на крайний север Урала, укрыла толстыми слоями почвы и зарослями непроходимого леса.

Но никакие препятствия не могут остановить человеческую жажду всё знать, всё постичь, всю природу подчинить своим рукам, своему уму.

Я бывала на родине бокситов, в молодом таёжном городе Североуральске, тогда ещё по-молодому неустроенном, где в ста метрах от последнего домика начиналась топь, грязь, бездорожье. Я видела суровые лица шахтёров, чья жизнь наполовину проходит под землёй, я спускалась с ними в шахту и знаю: нелёгок их труд. И всё же тысячи тонн руды добывают они, снабжая алюминиевые заводы Краснотурьинска и Каменска-Уральского. Там вишнёвые глыбы боксита проходят сложный путь переработки. По широким трубам текут горячие растворы, в огромных автоклавах кипят жидкости. Сначала из бокситовой руды извлекают порошок глинозёма, который и содержит в себе алюминий. Но это только начало работы. Само по себе таинство получения лёгкого блестящего металла происходит на дне электролизных ванн.

Открытые, овальные, они похожи на чудовищные суда, нагружённые оранжевой массой расплавленного вещества. Глядя на них, кажется, что вот-вот вздуются паруса на медных шинах, опоясывающих ванну, и тяжёлые корабли поплывут, унося свой драгоценный огненный груз. Но никуда не уплывают могучие корабли! Они подчиняются воле рабочего, который, выключая ванну, извлекает из неё готовый, необходимый для строительства самолётов светло-серебристый алюминий...

А вот зеленоватые и голубые медные руды, руды, содержащие хром, ванадий, титан...

А вот чёрные марганцевые руды. Эти образцы привезены с рудника Полуночный, расположенного за шестидесятой параллелью, в полутора часах езды от города Ивделя.

На берегах реки Полуночной

Помню, как маленький пассажирский состав торопливо вёз меня от Ивделя дальше на север к Марганцевому руднику, который давно хотелось посмотреть.

В окнах вагона мелькали тонкие высокие берёзки, одиноко перегнувшиеся пополам, рыжие болотные кустарники, седые пихты, сломанные грозой стволы сосен, вывороченные пни — изуродованные корни древних деревьев.

... Но вот поезд замедлил ход и тихо остановился в небольшой до-

лине, по бокам которой возвышалась тайга.

Разве смогу я когда-нибудь забыть удивительный посёлок Каменку, выросший на берегу реки Полуночной! Свежие бревенчатые домики с большими окнами и резными колоннами веранд, с наличниками, украшенными деревянной резьбой, и высокими ступенчатыми крылечками. В сочетании с широкой деревянной мостовой, на фоне удивительно ясного осеннего неба и темно-зелёного леса, эти деревянные улички были похожи на ожившую гравюру северного русского города XVII—XVIII веков.

Так и ждёшь, что вот-вот откроется дверь и по деревянным ступенькам спустится красавица в расписном сарафане и блестящем кокошнике.

Городок этот строили и украшали деревянным резным кружевом уральские мастера-умельцы, сохранившие старинное русское искусство резьбы по дереву. Они старались сделать жилища для шахтёров не только удобными, тёплыми, но и красивыми. Рядом с нарядными домиками ещё сохранились старые бараки. Они строились наскоро в первый год существования рудника и стоят как памятники недавней старины.

Ещё живы люди, которые помнят на месте посёлка непроходимую тайгу. К берегам светлой северной реки Полуночной приходили старатели мыть золото. Приземистая избушка с подслеповатыми окошками стояла на берегу и служила пришельцам временным ночлегом. Коротки на севере ночи. Белёсые, прозрачные, беззвёздные, они сближают зарю с зарёй и почти не оставляют часов для сна. Да и не до отдыха летом...

Утренняя заря заставала старателей склонившимися к земле в поисках золотых крупинок.

В одно такое летнее утро, когда роса ещё лежала на высоких травах, а стволы кедров казались золотыми от ранних солнечных лучей, один из ивдельских старателей, по фамилии Мезрин, нашёл нечто совсем необычное. Это была земля чёрно-угольного цвета, рыхлая, крупичатая, ни на что известное Мезрину не похожая.

Уголь не уголь, земля не земля. Но чутьё старого уральского рудознатца подсказало Мезрину, что эту находку без внимания оставлять не следует.

Бережно собрав горстку земли в носовой платок, Мезрин понёс узелок в Ивдель.

Вскоре на месте мезринской находки появились геологи. С жадностью молодых исследователей они прошли длинный путь от Ивделя до Лозьвинской пристани, оставляя на своём пути глубокие, как колодцы, узкие шурфы.

Земля чёрно-угольного цвета оказалась марганцевой рудой.

В двадцатые годы, когда это происходило, ни геологи, ни сам открыватель руды не знали, какой большой подарок сделали они молодой Советской республике.

Не думали они, да и не могли себе представить, что не пройдёт и двадцати лет, как берега скромной Полуночной займут первое место в стране по добыче марганцевой ру-

ды. А сама руда, превращённая в непобедимую броню русских танков, встанет на защиту свободолюбивого человечества. Но вот он наступил, этот памятный 1941 год... Представим себе сумрачные сентябрьские дни. Фашисты рвутся в глубь нашей страны. Увозя с собой всё, что можно увезти, и уничтожая то, что нельзя погрузить в вагоны, уходят от врагов наши заводы, рудники, тресты. Бережно укутанные станки и сопровождающие их рабочие, дети с матерями и без матерей, библиотеки и музеи, старинные картины, всё накопленное ревнивым трудом богатство нашей страны загрузило в те дни железнодорожные пути.

Тысячи эшелонов уходили в Сибирь, в Казахстан, на Урал.

На берегах реки Полуночной высадился почти в полном составе трест «Никопольмарганец». Спасая людей и оборудование, южный трест по добыче марганца прибыл туда, где наилучшим образом можно было применить свои знания и умение, на ещё не разработанное, но богатейшее уральское марганцевое месторождение.

Вот в сущности и вся предыстория рудника Полуночного.

Дальше началась бурная, ни на один час не утихающая деловая жизнь. Старательская избушка, в которой проводил короткие часы отдыха рудознатец Мезрин, превратилась в штаб нового строительства.

Здесь расположились управляющий и главный инженер, геологи и маркшейдеры, забойщики и лесорубы. Вскоре рядом с избушкой возникли два барака. Расчертив мелом пол на небольшие квадраты, люди ютились в своих воображаемых комнатах с детьми и домашней утварью. Но даже этих «меловых», воображаемых комнат не хватало на всех, и многим пришлось временно поселиться за 25 километров, в городе Ивделе, в то же время не

теряя связи с работой на Полуночном. А работа шла полным ходом.

...Стране нужен был марганец. Классические месторождения — кавказский Чиатур и украинский Никополь — бездействовали. Металлургические заводы задыхались от недостатка марганца. Его в те дни делили между заводами, как хлеб,— на килограммы, и только Полуночный мог спасти положение.

Зная это, люди спешили покорить и освоить тяжёлые северные земли. С первых же дней приезда начали рыть карьер и добытую руду отправляли на машинах, по наскоро построенной лежнёвке в Ивдель, а оттуда пульмановские вагоны развозили ценный груз в Первоуральск и Тагил, в Магнитогорск и Кузнецк.

Около пятидесяти заводов страны питались в то время полуночной рудой и ненасытно требовали: «Ещё, ещё...»

А между тем надвигалась зима. Надо было срочно строить жилища. Нужны были детский сад и ясли, чтобы освободить женщин для производства, нужна была школа — советские школьники не имеют права терять ни одного дня учёбы, нужны были мастерские, столовая, баня.

Люди рубили столетние сосны и рядом с невыкорчёванными пнями, тут же, в тайге, начали строить свой посёлок. Жилища ещё пахли сосновым лесом, а уже росла рядом с посёлком своя железная дорога. Взрывали аммоналом каменистые уральские земли, засыпали болота, прорубали коридоры в неподатливой тайге. В жестоких боях отвоёвывали у северной природы каждый километр, и упрямая тайга расступилась. По новым железнодорожным рельсам уже летом сорок второго года торжественно прошёл первый поезд с рудой.

Сказка Аман-Али

Посетители музея любят останавливаться около гигантских слитков золота. Вот образцы золотоносных пород Берёзовска. Он находится рядом со Свердловском, и каждый желающий может отправиться туда, чтоб познакомиться с потомками первых уральских золотоискателей. А вот образцы горных пород, привезённых из Джетыгоры. Теперь этот рудник славится асбестом, но, когда я там была — двенадцать лет тому назад,— об асбесте ещё никто не подозревал. В Джетыгоре добывали золото. Хорошо сохранились в памяти все детали поездки на этот южноуральский золотой прииск. Помню саманные домики казахов, их восточное убранство и гостеприимство. В одном из них я познакомилась со старинным жителем Джетыгоры — Аман-Али. Отец и дедушка многочисленных джетыгоринских золотоискателей, он сидел на ковре, опираясь на подушки. Его бритую голову покрывала пёстрая тюбетейка. Вокруг него расположились широкоскулые старые казахи. Они сидели, не снимая ушастых остроконечных шапок. Их коричневые лица были сосредоточенны. Они молча пощипывали свои реденькие бородки. Никто не начинал разговора первым.

Наконец Аман-Али заговорил:

— Есть Тобол-река, и есть Урал-река. И много рек есть на земле, но нет реки синéй Шуртанды.

Есть Алтай-гора и есть Таганай-гора, шесть гор высоких есть на земле, но все они видны с седьмой горы — с Джетыгоры. Однажды скакал по степи могучий батырь со своими воинами. Диких кочевников изгонял из степей. Крепко бились джигиты. Ни одного живого врага не осталось в казахских степях.

Но и славные джигиты все полегли. Только их предводитель — батырь — на своей кобыле всё скакал и скакал. Наконец, он увидел Джетыгору. Одним махом взлетел на неё и внимательно оглядел степь. Хорошо видна степь с Джетыгоры, и ни одного врага не увидел батырь. А он всё стоял на горе, долго-долго, пока не превратился в камень.

С тех пор старики два имени дали этой горе.

Джетыгора — седьмая гора, потому что с неё шесть других гор видно.

И Джетыс-кора, что означает «зорко глядящий вперёд», в память о батыре, охраняющем степные просторы.

— А кто первый нашёл здесь золото?— спрашиваю я.

— О, это было в стародавние времена!— говорит Аман-Али, поправляя тюбетейку.

— На берегах синей Шуртанды был казахский аул. И жил здесь пастух-бедняк Тулеген Тулебаев.

На лето он угонял скот далеко в степь, а зимой возвращался в свой балаган.

Однажды Тулеген нашёл в степи камень, ничем с виду не примечательный, белый, с жёлтыми мутными точками внутри, но какая-то непонятная сила заставила пастуха поднять этот камень.

А в ауле жил бай. Но это был не простой бай, а джепис-бай — семьдесят раз бай.

Его стада никто не мог сосчитать, а слуги бегали, выполняя каждое желание своего господина.

Увидел бай у Тулегена камень, и глаза его разгорелись:

— Говори! Где взял?

Но Тулеген был не так прост:

«Ага,— подумал он.— Бай знает дело! Это, наверное, золото... Но нет...— решил пастух,— не буду я богатого богатить»,— и нарочно повёл бая в другую сторону от того места, где нашёл камень.

Бай погнал своих слуг, они изрыли всю степь, но никакого золота не нашли. А Тулеген дождался тёмной ночи и пошёл к заветному месту. Здесь он зарыл найденный камень обратно в землю и так сказал:

— Расти, расти, золотой камень, вырастай с верблюжью голову, будет время, ты понадобишься моим сыновьям и сыновьям моих сыновей...

...Старые казахи одобрительно кивают головами. Видно по их чуть-чуть оживившимся лицам, что история Тулегена им давно знакома, но продолжает их волновать.

— А что было дальше?— спрашиваю я.

— Дальше?— Аман-Али смеётся:— Дальше роют... ищут тулегеновское золото...

— Ну и как? Находят?

Аман-Али оглядывает своих гостей, и те отвечают ему многозначительными взглядами, точно тайна Тулегена поручена им — этим старым степным мудрецам.

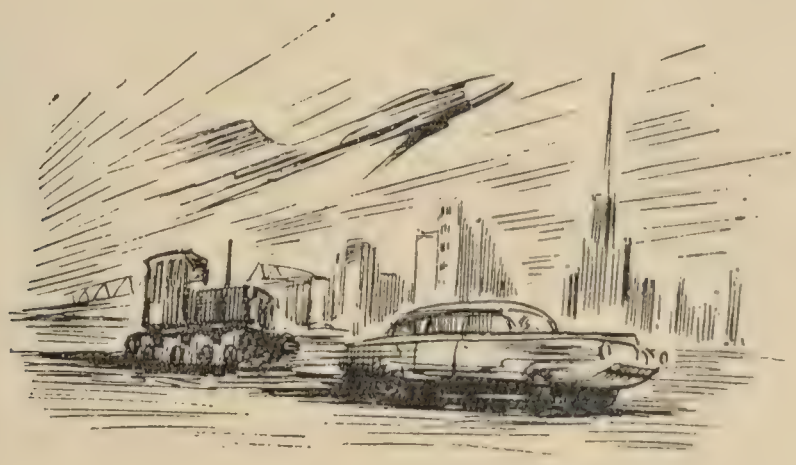
— В мутной воде не отражается небо. К жирным рукам не пристаёт вода. Злой человек не увидит клада. Тулегеновский камень уже давно вырос, и если душа твоя легка и беспорочна, ты найдёшь дорогу к нему.

* * *

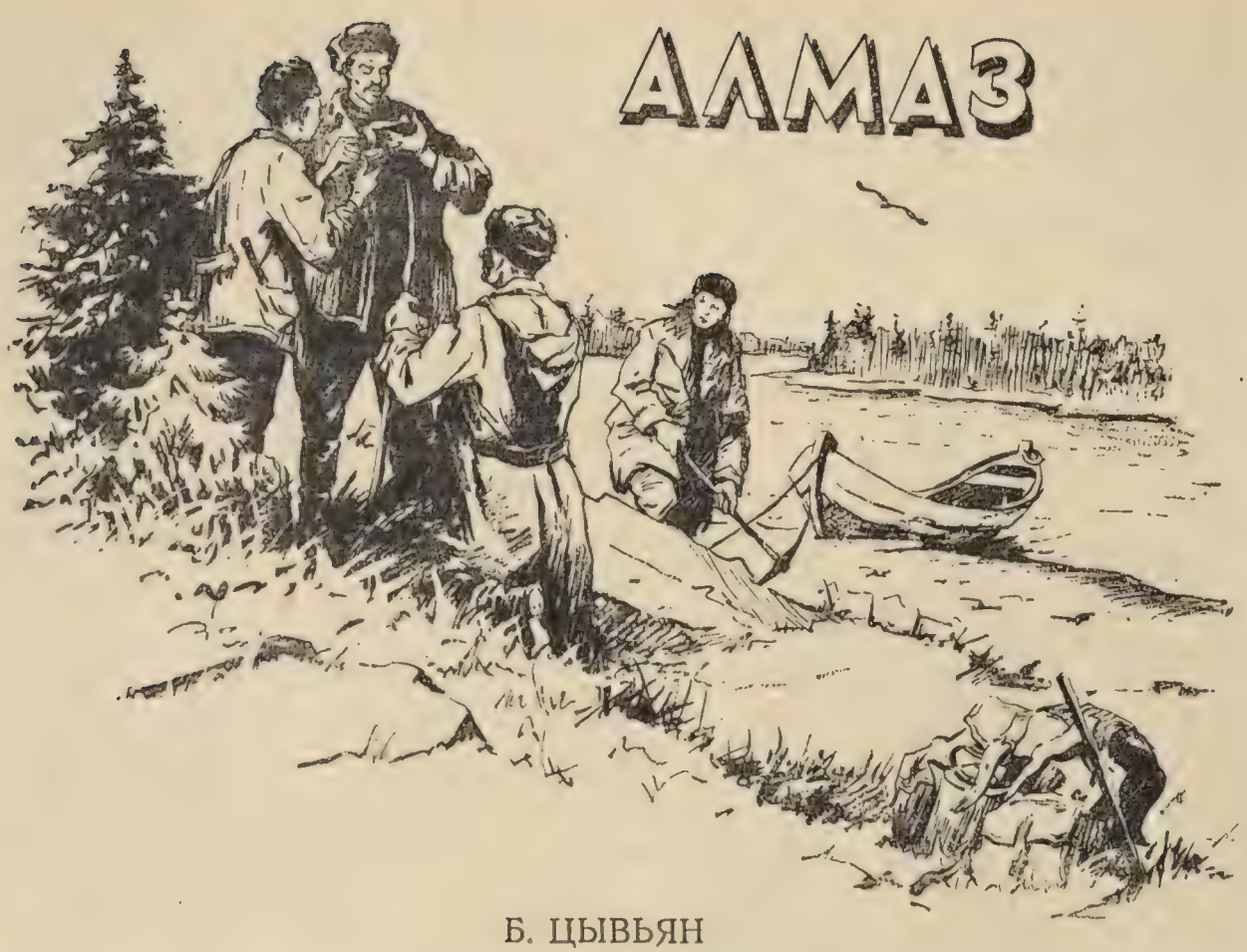
Стоя у витрин с образцами джетыгоринской золотоносной породы, я невольно вспомнила сказку старого Аман-Али.

Тулеген из его сказки ошибся! Золотой камень вырос больше, чем с верблюжью голову. Огромные уральские массивы хранят в себе не только золото, но и несметные залежи руд, не менее ценных, чем золото.

И принадлежит это богатство всему многонациональному советскому народу. Это в его хозяйских руках чёрные и цветные металлы превращаются в тракторы и комбайны, в самолёты и ракетные двигатели. Это его воля, творческий ум и всепобеждающая сила труда покоряют себе богатейшие недра нашего горного края.



АЛМАЗ



Б. ЦЫВЬЯН

Знаете ли вы, ребята, что каменный уголь, графит и алмаз — родные братья? Они состоят из одного и того же вещества — углерода, но внешне так непохожи друг на друга. Каменный уголь — это чумазый труженик: он сгорает в печах и даёт тепло, он движет паровозы, из него приготовляют металлургический кокс. Нет, пожалуй, ни одной отрасли промышленности, где бы не применялся каменный уголь. С графитом все мы знакомы по карандашам. Из него ещё делают отличные огнеупорные тигли — это тоже хороший работник.

А вот алмаз долгое время не приносил людям пользы. Отшлифованный ювелирами, он употреблялся только как украшение. Этот блестящий красавец не чета своему старшему брату. Где кипит работа, где грязно и душно, там вы не увидите огранённый алмаз-бриллиант. Но зато на балах при свете люстр он сверкал и переливался радужными огнями в серьгах разодетых дам и перстнях богачей. Но, кроме красоты, алмаз обладает ещё одним свойством — исключительной твёрдостью. Алмаз — самое твёрдое вещество в природе. Это свойство очень важно в технике, например, при бурении каменных пород. Как только у алмаза обнаружили это ценное свойство, его стали упорно искать. Однако в Советском Союзе до последнего времени поиски алмазов были неудачными: находили только единичные камешки. Теперь и у нас открыли богатейшее месторождение алмазов. И произошло

это совсем недавно. Необозримы сибирские просторы, и группа разведчиков совсем затерялась в её нескончаемой тайге. По вершинам деревьев гуляет ветер, но внизу тишина. Только порожистая река Вилюй шипит и пенится, урчит на перекатах. Отряд разведчиков направлялся к небольшой отмели — единственному месту, где можно поставить палатки, развести костёр, помыться. Прошёл ещё один день напряжённой работы, впереди — заслуженный отдых, но у всех разведчиков-геологов одна только мысль — об алмазах.

На следующее утро песчаную отмель решили опробовать. Начальник поисковой партии Файнштейн и геолог Хабардин внимательно следили за промывкой.

Наконец, песок промыт, но решить, есть ли в оставшемся концентрате алмазы, ещё нельзя. Неограненный алмаз ничем не отличается от гальки кварца. Чтобы увидеть, рассмотреть алмазы, на помощь геологам приходит передвижная рентгеновская установка.

Кристаллы алмаза в рентгеновских лучах начинают гореть, как светлячки, холодным голубым светом. Физики это явление называют люминесценцией. Кварц, кальцит и другие минералы такими свойствами не обладают. Каждый раз, затаив дыхание, геологи с волнением смотрят на облучаемый концентрат. Может быть, на этот раз среди тусклых галек, как маленький прожектор, вспыхнет алмаз? И вот однажды загорелся голубоватый светлячок первого алмаза. Затем были найдены ещё десятки алмазов. Песчаная отмель с россыпным месторождением алмазов была названа Соколиной Косой. В её песке были найдены первые якутские алмазы.

Но почему именно в Якутии советские геологи стали «охотиться» за этим чудесным камнем?

Ещё до Великой Отечественной войны одна из экспедиций нашла в Якутии голубовато-серый камень. Учёные, разбиравшие привезённые образцы горных пород, были очень удивлены. Эта горная порода раньше никогда не встречалась в Советском Союзе. Её родиной является Южная Африка. Может быть, она попала геологам случайно? Но другая экспедиция тоже обнаружила эту породу — кимберлит. Своё название она получила от города Кимберлей, вблизи которого в Африке находится самое крупное месторождение алмазов. Там алмазы, точно изюм в сдобной булке, вкраплены в кимберлите.

Около ста миллионов лет назад из глубин земли по трещинам поднималась расплавленная магма. Часто она выливалась на поверхность в виде лавы. Но иногда скопившиеся газы, высокая температура и колоссальное давление приводили к взрыву. Так образовались алмазные трубки — громадные вертикальные цилиндры, заполнявшиеся потом кимберлитами. В момент взрывов создавались благоприятные условия для образования из углерода замечательных кристаллов алмаза, вкрапленных в эти кимберлиты.

Диаметр алмазных трубок различный — от нескольких десятков метров до километра.

В глубину алмазные трубки уходят на несколько километров. Вот почему голубовато-серый камень заставил геологов насторожиться. Учёные высказали догадки, что раз найдены кимберлиты, то где-то рядом должны быть и алмазные трубки. Тем более, что, изучая геологию Сибири, образование её гор и низменностей, учёные увидели много общего с геологическим прошлым Африки.

Тысячелетиями ветер и вода в виде снега и дождя разрушали алмазные трубки. Вода вымывала из верхних слоёв кристаллы алмаза и вместе с другими минералами переносила за десятки, а иногда и за сотни километров. Перенесённые из алмазных трубок замечательные ми-

нералы оказываются как бы рассыпанными. Поэтому такие месторождения и называют россыпными. А сами алмазные трубки носят название коренных месторождений. После открытия россыпных месторождений на Вилюе нужно было найти и коренные. Но где они?

Тут на помощь геологам пришёл другой минерал. Дело в том, что в кимберлитовой породе часто в значительно большем количестве, чем алмазы, находится красной или малиновой окраски минерал — пироп. Вода, унося алмазы из трубок, оставляла за собой след из пиропов. На всём пути движения алмазов были оставлены пиропы. Вот по этому следу и пошли геологи. Молодой геолог Попугаева, следуя указаниям пиропов, открыла первую в нашей стране алмазную трубку.

Прошло немного времени, и геологи Хабардин и Щукин открыли ещё две трубки.

Геологам приходилось работать в очень трудных условиях: непроходимая тайга, тучи комаров. Трудности заключались ещё в том, что площадь, которую геологам нужно было обследовать, по своим размерам была больше всей Западной Европы.

А нельзя ли алмазные трубки искать с воздуха? Раньше никому в голову не приходило разведку самоцветов вести с самолёта. Действительно, на первый взгляд это кажется невероятным. Вначале геологи сделали аэрофотосъёмку таёжных мест. На самолёт поставили магнитные приборы. Но для чего? Ведь алмазы не магнетитовые железные руды и не обладают магнитными свойствами! Объясняется это очень просто. В кимберлите алмазных трубок содержатся значительные примеси железа. С самолётов и вертолётов якутские геологи обнаружили много алмазных трубок. Сведения воздушной разведки передавались на уточнение геологам поисковых партий.

Теперь в Западной Якутии обнаружено свыше 40 алмазных трубок. Советское месторождение алмазов не уступает богатейшим месторождениям Южной Африки, является одним из крупнейших в мире.

Скоро добыча алмазов начнётся в больших промышленных масштабах.

Алмаз — изумительно красивый драгоценный камень. Его кристаллы то прозрачны, как родниковая вода, то окрашены в приятные розоватые, голубые или зеленоватые тона. Старые горщики Урала знали секрет окраски минерала. Кто мог подумать, что алмаз, запечённый в тесте, из прозрачного становится нежно-жёлтым или оранжевым! Шлифовка алмаза — очень кропотливая операция. Чтобы огранить алмаз, зачастую тратят несколько месяцев, причём шлифуют его алмазным порошком. Все другие материалы мягче алмаза и для обработки его не годятся.

Но постепенно из предмета роскоши алмаз превратился в неутомимого труженика. Небольшие кристаллики алмаза, вставленные в буровую коронку, делают чудеса. Разрушая крепчайшие породы, алмазный бур легко высверливает километровые скважины. Изготовление автомобильного или авиационного

двигателя не обходится без участия алмазных резцов и свёрл. Наиболее точную обработку отверстий и поверхностей поршней, клапанов, шатунов производят с помощью алмазов.

Исключительно важное значение имеют волочильные алмазы. Чтобы изготовить волочильный алмаз, или, как его называют, фильеру, требуется много терпения, точности. Чаще всего используют алмазы, имеющие плоскую форму. Вначале у алмаза отшлифовываются две параллельные поверхности. После этого стальной иглой, покрытой смесью масла с алмазным порошком, аккуратно просверливают небольшое отверстие. Через алмазные фильеры сквозь маленькое отверстие протягивают тончайшую проволоку из углеродистой и хромоникелевой стали, вольфрама, золота. Без алмазных фильер вряд ли могла бы работать наша электрорадиопромышленность.

Взгляните на любую электрическую или радиолампу и вы увидите там нити накаливания. Этот тонкий металлический волосок получен волочением сквозь крохотное отверстие в алмазе.

Нити парашютной ткани должны быть прочными и гладкими. Гладкую поверхность нитям парашютной ткани придают алмазные фильеры.

Раскроем пожелтевшие страницы старого учебника о минералах. О применении алмазов в технике там сказано буквально два слова. Значительно больше места посвящено описанию сверкающих рубинов, бриллиантовых ожерелий. Теперь в учебниках минералогии об алмазах будут написаны целые страницы. Ценность камня не только в его красоте. Один из неутомимых исследователей алмазов, академик Александр Евгеньевич Ферсман, писал:

«Блестящее будущее рисуется нам для алмаза... В руках человека окажутся новые, ещё или почти не изведанные орудия работы. Вся буровая техника, уничтожающая расстояния и проникающая сквозь хребты и слои земные, получит алмаз в новом, ныне недостижимом виде; вся техника резьбы, гравировки, обработки металла, камня и дерева перейдёт на алмаз, и вместо стального резца будет алмазный резец... Рисуется красивая картина будущего освещения городов, когда начнут светиться и фосфоресцировать в пустоте большие кристаллы алмазов, а микроскопическая техника и астрономия получат новый сказочный материал для своих оптических линз».

Много лет учёные всех стран стремятся получить алмаз в лабораториях. Нет сомнения, что в ближайшее время будут найдены способы получения искусственного алмаза. А пока завтра алмазов — это освоение богатейшего сибирского края. Открытие якутского месторождения алмазов — выдающееся достижение советских геологов. Работа геологов Бурова, Белова, Файнштейна, Щукина, Хабардина и Юркевича получила всенародное признание — им присуждена Ленинская премия.

Пробуждается многовековая тайга. К будущим алмазным приис-

кам прокладываются дороги, на ленские пристани прибывают строители, оборудование, материалы.

Сюда пришёл хозяин нашей страны — советский человек.

Весна больших морозов

Василий КЛЁПОВ

Пришёл март, и в одно туманное утро на лесной опушке опустился зяблик.

— Пинь! Пинь!— радостно прозвенел он.— Вот я и дома.

— Как? Ты уже прилетел? — удивилась синица и высунула любопытный носик из дупла.— Почему так рано?

Она снова спряталась и задумалась над тем, почему эти зяблики такие глупые: холода боятся, а прилетают из жарких стран, когда даже снег ещё не стаял.

А зяблик в самом деле озяб. Он взлетел на сучок и стал бегать по нему бочком туда и обратно, чтобы согреться.

Но скоро проглянуло солнышко, снег оттаял, вдоль опушки заблестели лужицы. Зяблик слетел на землю, напился холодной снеговой воды и даже попробовал искупаться.

— Дурак! — крикнула с сосны ворона.— Право, дурак! Ппростудишься...

— Нет! — весело зазвенел зяблик.— Весенняя ванна полезнее летней.

Он с удовольствием хлопал по луже крылышками, мочил в воде шею, грудь, как вдруг заметил, что на его берёзу опустилась птица.

— Не смей, не смей! — сердито взъерошился зяблик и поторопился поскорее занять свою ветку.— Это мой сук! — звенел он.— Ещё мой отец вил на нём гнездо.

— Чего ты шумишь? — отозвалась птица.— Кто занимает твой сук? Да меня силой не заставишь вить себе гнездо на берёзе.

— Как, это ты прилетел, конёк? — удивился зяблик.— В таком полосатом жилете я тебя просто не узнал. Можешь посидеть на моём сучке — я разрешаю.

Но конёк не собирался долго засиживаться. Ему тоже надо было подыскать местечко для гнезда, а всем известно, что лесные коньки не вьют гнёзд на деревьях.

— Загляни за дубовый пень! — посоветовал зяблик, когда увидел, что конёк побежал по земле, осматривая каждый кустик.— За дубовым пнём я видел ямку, подходящую для твоего гнезда.

Прошло несколько дней, и зяблик, который всё время поглядывал вверх, увидел в ясном голубом небе свою подругу. Она очень торопилась, так как догадывалась, что зяблик уже занял место для гнезда и ждёт её, чтобы приступить к постройке.

От радости, что снова видит свою подругу, зяблик запел. Он пел, конечно, не так, как соловей, и даже хуже, чем дрозд, но это была первая весенняя песенка и потому имела в лесу огромный успех. На опушку сразу стали собираться все, кто любит попеть или просто почирикать в хорошей компании. Прилетели дрозды и заняли своими большими, как овчинные шапки, гнёздами все дубовые заросли. У ручья, где в полдень птицы собираются посудачить, поселился на дубовой ветке чиж. На весёлой солнечной полянке начала вить маленькое гнёздышко пеночка. В зарослях лопуха хозяйничал щеголеватый щегол: он выщипывал пух из прошлогодних головок лопуха и готовил тёплую постель будущим щеглятам на верхушке клёна.

«Весёленькая компания подбирается»,— подумал про себя дятел; сам он не пел, но послушать других в свободное время был не прочь.

Первые дни певцы настраивались: то один попробует голос, то другой, а потом как грянули,— весь лес так и зазвенел.

Даже воробей в селе услышал эту весёлую песню. Он недоумённо чирикнул и помчался на опушку посмотреть, что там такое произошло.

— Ты не знаешь, чему они обрадовались? — спросил он у крапивника.

Маленький крапивник пока не участвовал в хоре. Он, как мышонок, юркал между корнями большого дерева и собирал старую траву для постройки.

— И ты ещё спрашиваешь! — возмутился крапивник.— Как же не петь, если весна пришла?

— Только и всего?— разочарованно чирикнул воробей.— А я-то думал, что они кучу зерна нашли.

Давно известно, что воробей только и заботится о том, как бы набить себе пузо, и ничто, кроме еды, его не радует. Вот почему он

недовольно покрутил носиком и улетел с опушки в село. Там всегда можно поживиться чем-нибудь у колхозных складов или в крайнем случае покопаться на дороге в лошадином навозе.

А на опушке птичий хор с каждым днём гремел всё громче, всё веселее. Вот уже присоединил к нему свой голос знаменитый лесной певец-соловей. Вот и зырянка залилась нежно, как серебряный колокольчик.

Только хозяйственный крапивник всё суетился и был занят делом с утра до вечера. Он строил на сосёнке большущие, как шары, гнёзда. Одно построил — за другое принялся, два построил — опять мало показалось, начал третье, потом четвёртое.

В полдень у ручья собрались птицы.

— Вы слышали,— начал чиж, который узнавал все новости раньше других,— вы слышали, что крапивник строит уже четвёртый дом? Что бы всё это значило?

— Всё понятно,— догадалась синица.— Этот хитрец собирается пускать квартирантов.

Все птицы так и задёргали крылышками от хохота.

— Кому же понадобятся его квартиры? — спросил, успокоившись, щегол.— Разве нет у каждого из нас своего гнезда?

— А про кукушку ты забыл? — не унималась синица.— Мне говорил дятел, что она и в этом году не собирается вить гнезда. А дятел, как вам известно, не соврёт. Это не какой-нибудь чиж.

Чиж взъерошился от обиды и с криком вцепился обидчице в хвост. Все бросились разнимать драчунов, кричат, пищат, только пух вокруг летит, как будто стали осыпаться одуванчики.

— Что за шум? — высунул из

куста голову крапивник.— О, да здесь и драка! — обрадовался он, сообразив, что теперь можно сразу набрать пух на все гнёзда.

— Подожди-ка!— схватил маленького крапивника за шиворот щегол.— Скажи, почему ты строишь четыре домика?

— А что мне?—беззаботно крикнул крапивник и хвастливо подёргал хвостиком.— Иметь несколько домиков не так уж плохо.

Сказать по правде, крапивник и сам не знал, зачем ему четыре гнезда. Но и отец его, и деды никогда не ограничивались одним гнездом, а наш крапивник не хотел быть хуже своих предков.

— Ну, вот, слышишь, трещотка?— назидательно сказал щегол синице, которая всё ещё охорашивалась и приводила себя в порядок после драки.— Зря ты чижа обидела.

До вечера было ещё далеко, и птицы разлетелись по кустам и деревьям: каждая торопилась закончить поскорее постройку своего домика. Но вдруг подул резкий ветер, тяжёлые тучи закрыли солнце, и на землю неожиданно повалил снег. Вмиг на опушке всё побелело и стало холодно, как в декабре.

В круглые тёплые гнёзда крапивника сразу набилось столько птиц, что он и сам уже не знал, где приютиться. Однако он был даже доволен этим и только и делал, что порхал с одного гнезда на другое и всё спрашивал:

— Ну, хорошо вам? Тепло?! Вот! А вы говорили, зачем столько гнёзд!

Новый день не принёс тепла. Опять с неба валился снег, свистел в кустах холодный ветер, и даже ручей, у которого птицы так любили собираться, замёрз. Всем уже хотелось есть и пить, а ни еды, ни воды не стало - всё исчезло подо льдом и снегом.

Бедный зяблик! Как тут все на него набросились! Ты,— кричат,— виноват во всём! Если бы не ты, мы и сейчас сидели бы в Африке на тёплом берегу и грелись бы на солнышке!

Чем бы всё это кончилось—трудно сказать, но тут, к счастью, на опушке показалась чёрная птица с удивительным хвостом, горевшим, как огонь, ярким оранжевым цветом. Это была горихвостка.

— Тю-ю! — удивилась она.— Что же вы мёрзнете здесь? Полетели за мной — будете и в тепле, и в сытости!

Она вспорхнула, и все птицы с шумом и криками тоже поднялись в воздух. Они плохо видели сквозь пургу, но яркий оранжевый огонёк, мелькавший впереди, не давал им сбиться с дороги. Вслед за горихвосткой опустились они в большой колхозный сад и увидели, что там, между деревьями, ходят мальчики и девочки и развешивают на сучьях тесовые птичьи домики и кормушки.

— Вот здорово! — вскрикнул скворец и занял тут же самую красивую хатку на верхушке яблони.

— Чудесно!— прозвенел зяблик и опустился у кормушки, наполненной пшеном и вкусными конопляными семечками.

И даже крапивник довольно вздёрнул хвостиком и бодро прокричал:

— Порядок! Незачем мне строить столько гнёзд! Лучше я поселюсь рядом с кормушкой вот в этом домике.

Морозы кончились, снова стаял снег, и любимая берёзка зяблика оделась зелёной листвой, а птицы не захотели больше возвращаться на опушку и остались на всё лето в саду.

С тех пор каждой весной, прежде чем лететь в лес, птицы опускаются в сады и парки и ждут, не придут ли туда снова славные ребята, что спасли их от холода и голода в ту страшную весну, которую птицы и до сегодняшнего дня называют Весной Больших Морозов.

НАША ВЕРНАЯ ЗАЩИТА

(Придумай рифмы)

Олег АНАТОЛЬЕВ

Наша верная
защита
Славой воинской
покрыта.
Она — несокрушимая,
Родная и...
Сторожит она
границы,
Чтобы мог народ
трудиться.
В ней —
сила молодецкая.
То — Армия...

Павлиний глаз

Михаил КЕРЧЕНКО

Стоял солнечный день. Я с товарищами лежал на берегу озера, загорал.

— Ребята, кто будет играть в палочку-стукалочку?— предложил Гриша Назаров.

— Я!— подхватили все.

Мы посчитались. Очередь искать выпала Грише. Я спрятался среди густых зарослей крапивы. Она обжигала руки и босые ноги, но я терпеливо переносил боль, утешая себя тем, что Грише очень долго придётся искать. Рядом на прясло огорода села маленькая птичка, которую у нас называют иванчиком. Она запрыгала на тоненьких ножках и, смешно подёргивая хвостом, тревожно закричала:

— Кши!

Иванчик не унимался. У него, видно, поблизости находилось гнездо. Я запустил в птичку комок земли, она вспорхнула, перелетела на новое место и ещё более назойливо и беспокойно зачикала.

Ребята давно уже окончили игру, а я всё сидел и ждал...

— Алёша, выходи!— крикнули друзья.

— Он, наверно, убежал домой,— пояснил кто-то.

Я приник к земле и увидел под листком крапивы какой-то необыкновенный предмет. Он был похож на боб, окрашенный в золотисто-зелёный цвет.

«Вот так штука!»— подумал я восхищённо, бережно отцепил кругляшок от листка и вышел на дорогу.

— Смотрите ребята, какой орех я нашёл.

Товарищи столпились вокруг меня.

— Сам ты орех,— с укоризной сказал Гриша Назаров. Он положил мою находку на ладонь и объяснил:— Это куколка павлиньего глаза.

— Павлиньего глаза?— удивились мы и расхохотались.

— Смотрите,— указывали мы пальцами на Гришу.— Эх ты, знаток, павлины водятся в жарких странах...

— Чего смеётесь? Из этой куколки выведется очень красивая бабочка, которую называют павлиньим глазом.

— А-а-а, — протянули мы. — Так бы и объяснял...

— А я так и объясняю.

— Это интересно.

— То-то.

Я принёс свою драгоценную находку домой и осторожно зацепил крючком за ниточку оконной занавески. Куколка сияла на солнце, как изумруд. Я нетерпеливо ожидал того момента, когда из неё появится бабочка.

Прошло три дня, а куколка продолжала висеть неподвижно. Я не замечал в ней никаких изменений.

— Ну, что?— спрашивали при встрече друзья.

— Ничего. Висит. Обманул меня Гришка.

— Конечно надул. Ему это ничего не стоит.

Дома, поглядывая на куколку, я думал: разрежу сейчас и всё увижу.

— Ты опять что-то затеваешь,— сказала мама.— То с птицами носишься, а теперь за каких-то козявок принялся...

— Вовсе не козявка, а павлиний глаз,— сказал я.

Однажды, проснувшись,

я увидел, что наш кот Рыжик забрался на подоконник. Передними лапками он пытался дотянуться до куколки. Ещё одно усилие — и он схватит её.

— Брысь!

Кот стремительно подпрыгнул, и куколка упала на подоконник. Я выскочил из-под одеяла и не успел подбежать к Рыжику, как из куколки вылетела бабочка. Она села на оконный переплёт и спокойно расправила свои бархатные крылья с пятнышками, напоминающими глаза...

Мы с Рыжиком удивлённо смотрели на неё. Когда она шевелила крыльями, то казалось, что глаза моргают. Первый раз в жизни я увидел такую чудную бабочку. Но больше всего я радовался тому, что сам видел рождение павлиньего глаза.

Паук-парашютист

Михаил КЕРЧЕНКО

День был знойный. Я сидел под навесом. И вот в двух шагах от меня опустился на тоненькой шёлковой нити небольшой паук. Увидев человека, он сначала остановился, притих и тотчас начал было торопливо подниматься вверх. Лёгкий ветерок отнёс его вместе с паутинкой к плетню, а затем обратно в мою сторону. Через минуту повис на новой нити второй паук. Они поравнялись и начали качаться то вправо, то влево.

На колышке появился воробей.

— Чив-чиввик!— крикнул забияка, приплясывая и вертясь на месте. Неожиданно он схватил одного паука и удрал.

«Вот это ловко»,— подумал я.

Дунул ветерок. Шелковинка качнулась, приблизилась к плетню, и паук торопливо уцепился коготком за какой-то выступ. Облюбовав отверстие в плетне, он начал искусно плести тенёта. То он поднимется вверх, то опустится вниз, зацепит нить и опять вверх...

А когда натянул, как струны, несколько нитей, то тотчас же начал соединять их между собой новыми паутинками. Ходит по кругу и соединяет... Получилась очень красивая сеть. Затем паук спрятался в щель, в своё гнездо. Он, казалось, знал, что через дыру в плетне, где расставил сети, летают мухи.

Не прошло и пяти минут, как маленькая золотобрюхая муха сунулась в окно, зацепилась за шелковинку и запуталась. Она начала отчаянно биться, жужжать. Ещё усилие, и вырвалась бы. Но паук не дремал. Он стремительно выскочил из засады и стал быстро и ловко опутывать новыми нитями свою жертву. Сначала деловито скрутил ей ноги, затем связал крылья. Муха перестала жужжать. Паук облил её, как из огнетушителя, какой-то жидкостью и спокойно удалился в щель. Так до вечера он поймал несколько мух и комаров.

А назавтра этот разбойник сплёл новую сеть рядом со старой. Получился двойной занавес. Мухи обязательно попадались в ту или другую ловушку.

Прошло несколько дней. Как-то я с товарищем заглянул под навес и заметил, что на паутине качается знакомый паук. Вот он начал выпускать множество длинных нитей-тенёт. Они слегка слепились, образуя очень лёгкую прозрачную ткань. Повеял ветерок, подхватил эту ткань вместе с пауком. Мой товарищ воскликнул:

— Смотри, паук на парашюте!

Я пояснил ему: осенью пауки на таких самодельных коврах-самолётах улетают, расселяются по земле.

Пока парашют поднимался в небо, на плетне появился всё тот же бойкий воробей-плясун. Он лихо топнул ножками, крикнул «чивчиввик!» и ударился в погоню за пауком-парашютистом, схватил его на лету и съел.

А «парашютистов» в воздухе появлялось всё больше и больше, и многие из них добрались до своего нового жилья благополучно.

Мой велосипед

Самуил ГЕРШУНИ

Мне вчера из магазина
Принесли велосипед.
Лучшей гоночной машины
Не ищите —
В мире нет!
Посмотри,
Эх, краса!
Целых три
Колеса!
Настоящий
Руль блестящий
Даже есть,
И седло из кожи
Тоже,
Чтобы сесть,
Сядешь —
Ноги на педали:
Вверх — вниз!
Вверх — вниз!
Эй, дорогу!
Что вы стали?
Берегись!

Самуил ГЕРШУНИ

Наш Серёжа так богат —
У него в кармане клад:
Синяя стекляшка,
Конфетная бумажка,
Катушка без ниток,
Пять цветных открыток,
Старая монета...
Чего там только нету!
Даже чёрствый бутерброд,
Вот!
Не хватает пустяка —
Носового платка...
— Чем ты вытрешь нос,
Серёжа?
— Рукава-то для чего же?..

КАК ВИТЯ РЕШИЛ ЗАДАЧУ

Николай СЁМИН

— Ну, скорее, скорее!— говорил Витя и дёргал маму за платье.— Один раз в году собрались в цирк и то опоздаем.

Наконец мама собралась и спросила:

— А ты уроки на завтра приготовил, сынок?

— Конечно, приготовил,— заторопился Витя.— Осталась маленькая задача. Мы теперь ведь повторяем все четыре действия.

— Смотри же, как придём домой, пообедаем, отдохнёшь и садись за свою задачу.

— Хорошо, хорошо,— быстро согласился Витя.

И вот они в цирке. Грянула радостная, весёлая музыка.

Началось представление.

Три больших металлических кольца повисли под куполом цирка. В кольцах появились акробаты. Они повисли вниз головой в воздухе.

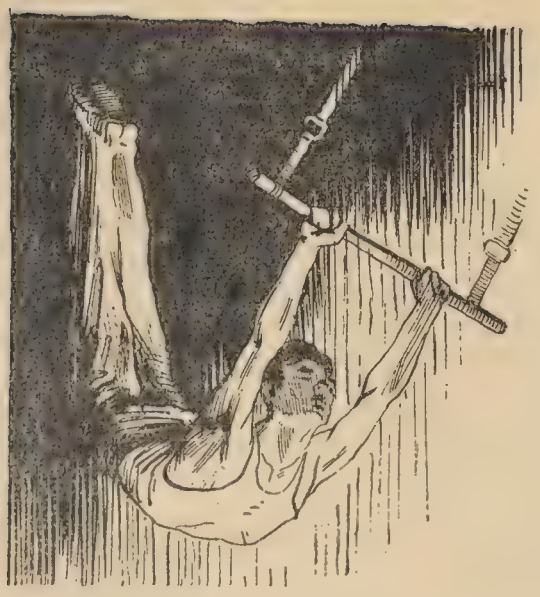
«Вот смелые,— подумал Витя,— на одной ноге держатся».

Вдруг акробаты закружились так быстро, что уже и разобрать нельзя было, где руки, где ноги.

Артисты закончили свой номер и на руках соскользнули вниз по канатам.

Затем на манеж вышел человек в разноцветном костюме.

— Уважаемые зрители!— сказал он.— Сейчас вы увидите чудо природы. Перед вами выступит учёная лошадь-математик. Она всю арифметику знает на пять с плюсом. Маэстро, прошу марш!



Заиграл оркестр, и белая красивая лошадка с пучком перьев на голове выбежала на манеж. Лошадка подбежала к клоунам, схватила одного из них за штанину и под громкий смех зрителей поволокла за кулисы.

Второй клоун не стал ждать своей очереди и удрал сам, а вдогонку ему летели шутки и хохот.

— Поклонись публике,— приказал артист.

Лошадь выполнила приказание.

— А теперь,— приказал дрессировщик,— реши задачу. Сколько будет пять плюс четыре?

Лошадь девять раз стукнула копытом о деревянный помост.

— Положи на счёты семь,— приказал дрессировщик. Лошадка подошла к большущим счётам и откинула влево семь костяшек.— Прибавь восемь.— Лошадка выполнила и это приказание.

— А сколько получится всего?

Лошадка сняла с подставки табличку с цифрой 15 и поднесла её дрессировщику. Загремели дружные аплодисменты.

Витя больше не следил за тем, что делается на цирковом манеже. Другое занимало теперь его внимание.

Он внезапно вспомнил о своём домашнем задании, о своей нерешённой задаче.

— Уважаемые зрители,— объявил тем временем артист,— прошу предлагать задачи.

И тут Витя забыл, что он сидит в цирке, и поднял руку, как в классе на уроке.

— Какая у тебя задача? Говори, мальчик,— предложил циркач.

— А вот,— выпалил Витя,— пятерым мальчикам дали по пять яблок каждому, а четырём девочкам — по четыре яблока. Сколько всего яблок дали ребятам?

— Ты хочешь, чтобы мы реши-

ли за тебя твою школьную задачу?— сказал циркач.— Нет, милый мой, сам лучше решай.

Зрители рассмеялись.

— Кроме того,— продолжал артист,— мы не можем решить твоей задачи. Мы пока решаем задачи только до двадцати.

Но Витя не слушал, что говорил циркач. Он смотрел на большие счёты и быстро-быстро считал в уме.

«Пять и пять — это десять. Ещё пять и пять — опять десять. Десять и десять будет двадцать, прибавить пять, и получится двадцать пять. Теперь возьмёмся за девочек».

Через полминуты у Вити было готово решение задачи. На счётах он мысленно занял полных четыре ряда костяшек и ещё одну косточку отметил в пятом ряду.

— Всего будет сорок один!— радостно крикнул Витя на весь цирк.— Я сам нашёл ответ.

— Браво!— закричал циркач и захлопал в ладоши. За циркачом захлопали в ладоши и зрители. И все смотрели на Витю.

— Браво!— ещё раз сказал артист.— Ты, мой друг, нашёл правильное решение задачи. И в награду мы тебя приглашаем прийти к нам на представление ещё раз. Придёшь?

— Приду, конечно, приду,— ответил Витя.— Только у меня нет билета.

— Ну, этому легко помочь,— улыбнулся артист.

— Раз, два, три,— сказал он и сделал несколько быстрых движений рукой. И вдруг у циркача оказался маленький розовый билетик. Артист подошел к Вите и подал ему билет.

— Скажи, спасибо,— шепнула мама.

— Большое спасибо,— сказал покрасневший Витя.

Циркач ничего не ответил. Он вынул из кармана большой платок и накрылся им с головой. Через минуту платок упал на землю, но под ним циркача не оказалось.

Зрители захлопали в ладоши, лошадка носилась по кругу, играл оркестр.

Но вот лошадка убежала за кулисы, а на манеж вышел ведущий и громко сказал:

— Антракт!

Все встали со своих мест и пошли прогуляться.

Мама и Витя тоже пошли вместе со всеми. Витя шёл по коридору цирка. В правой руке он крепко зажал маленький розовый билет.

Смекалка

Николай ЩЕРБАКОВ

Невзначай шкатулку мать
Уронила с полки:
Разлетелись — не собрать —
Тонкие иголки.

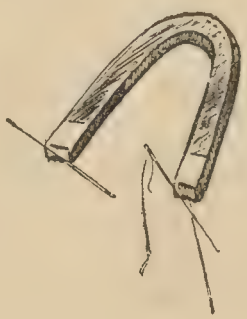
— Выйдем,— Петя ей
сказал,—
Мы из положения,
Я недаром изучал
Силу притяжения!

Взял один предмет он тут
Гладенький, неколкий —
Не прошло и двух минут,
Как собрал иголки.

Мать сказала напрямик:
— Хороша смекалка!
За такую десять книг
Подарить не жалко.

У кого догадки нет —
Думай об ответе:
Что же это за предмет
Был в руках у Пети?

Может, Петю кто сочтёт
Магом знаменитым?
Нет! Предмет зовётся тот
Попросту... магнитом.



Василий ЕЛОВСКИХ

В летние каникулы Витя приехал к дедушке и бабушке. Они жили на окраине города в маленьком домике с садом. Витю привезла мама и наказала: «Вы уж тут за ним последите». Это было часов в девять утра. Старики уже позавтракали. В комнате и на кухне было прибрано, во дворе подметено. На столе стояла чистая посуда.

Внука угостили горячими пирожками с капустой и жареными чебаками, которых дедушка сам наловил в реке.

— Ох, до чего ж хороши чебаки!— сказал Витя, ложась на диван. Он почувствовал усталость. Это с ним бывало часто. Дома, приходя из школы, Витя немного занимался, изредка читал книги и больше ничего не делал. Ходил он мало. Если приятели приглашали его в кино, то он обычно отвечал: «Не хочется, голова что-то болит».

Но здесь всё стало получаться как-то иначе. Дедушка сказал:

— Понравились, говоришь, чебаки? Вот и пойдём на реку рыбачить.

Они вышли из дома после обеда. Взяли с собой восемь удочек.

В берег ударяли холодные пенистые волны. У воды пахло рыбой и тянуло сыростью, как из погреба. Невесело Вите на берегу, скучно наблюдать за поплавками, беспрерывно прибиваемыми к берегу. Витя посидел полчаса, и его сильно потянуло домой. Он сказал об этом дедушке, а тот ответил удивлённо:

— Что ты за рыбак, если терпения не имеешь?

Так и просидели до позднего вечера. Наловили немного, но на уху хватило. И, главное, на душе у Вити стало радостно: больше всего чебаков попалось на его удочки!

— Пока вы ходили, я себе юбку сшила,— сказала бабушка.

Витя заметил, что дедушка и бабушка всё время что-нибудь делают. Перед сном дедушка читал газету, а бабушка вышивала цветными нитками картину на полотне. На картине были видны лебеди, озеро и дома.

А утром дедушка обратился к внуку:

— Сейчас мы с тобой, Витюха, пойдём в сад. Ты посмотри, какие у нас деревья выросли!

Старик каждый год сажал в саду какое-нибудь деревцо. Росли здесь черёмуха, акация, чёрная смородина и сирень. Больше всего разрослась малина. Её ростки появились даже на дорожке. Дедушка и Витя выдергали эти ростки, потом подремонтировали деревянную скамейку, которая уже почернела от старости и походила на чугунную.

...И потекли необычные для Вити деятельные дни. Он ходил с дедушкой в лес, окучивал в огороде картошку, учился стряпать пельмени.

Старики купили внуку игрушки. В углу комнаты лежали разборный планёр, маленького размера фуганок, рубанок и топорик. Бабушка принесла из магазина «Конструктор», состоящий из множества винтиков, гаек и металлических пластинок, которые надо собирать, прежде чем получишь какую-нибудь машину.

— Это лучше, чем безделушки покупать,— сказал дедушка.— С этими игрушками соображать надо, действовать надо. Так ведь?

Витя промолчал.

Когда мальчик по привычке ложился на диван или долго сидел без дела, откинувшись на стуле, бабушка спрашивала встревоженно:

— Ой, уж не заболел ли ты, Витенька?

А дедушка ворчал:

— Не болен он. И не ленится больше. Видела бы ты, как он ловко чебаков подсекал!

Вите приятно было это слушать. И когда во двор привезли машину дров, мальчик пошёл пилить их. Раньше он, возможно, и остался бы в комнате, но сейчас ему было неудобно: такие старенькие работают, а он сидит.

— Ты не шибко налегай,— предупреждал дедушка,— мы и без тебя справимся.

Мальчик не налегал, он с бабушкой пилил полегоньку, часто отдыхая. Скоро у Вити заболела поясница, закружилась голова.

На другой день он снова попробовал пилить и колоть. И — удивительно!— голова больше не кружилась, а поясница болела совсем немного. Прошло ещё несколько дней, и Витя заметил, что работа уже не кажется ему тяжёлой. Только побаливали руки.

Внук помог деду отремонтировать лодку. Когда лодка была готова, они поплыли по реке. За городом Витя и дедушка до ночи ловили бреднем рыбу. В лесных речушках много чебаков, окуней и щурят и не меньше подводных коряг, камней,

оплетённых крепкой водяной травой. Работа нелёгкая, но Вите она нравилась. Он радовался, кричал от восторга, когда бредень выводили на берег и из мотни выскальзывала рыбёшка-мелюзга.

А потом они развели костёр на берегу реки. Над водой висела луна и такая огромная, какую Вите ещё не приходилось видеть.

Дедушка помешивал в котелке уху и рассказывал разные случаи из своей охотничьей жизни.

— Осенью я, Витюха, на зайцев пойду. Приезжай, компанию составишь мне. Или, может, дома на диване полёживать будешь? И опять стонать будешь: «Устал...»

— Нет,— сказал Витя, краснея.— Ты ж, дедушка, не устаёшь, а уже больше шестидесяти лет прожил!

— Я потому и крепкий, что всё время на совесть трудился. Так-то, милок. Да и тебе, вижу, лень отогнать чебаки помогли,— ответил старик, хитровато подмигнув внуку.

Про жадность

Александр ГОЛЬДБЕРГ

Было в баночке
Варенье.
Почему пуста она?
Всё варенье
Съела Женя
И теперь лежит —
Больна!
У неё не грипп,
Не корь,
Лишь объелась сладостью.
Старый доктор
Эту хворь
Называет
Жадностью...

Белая палатка

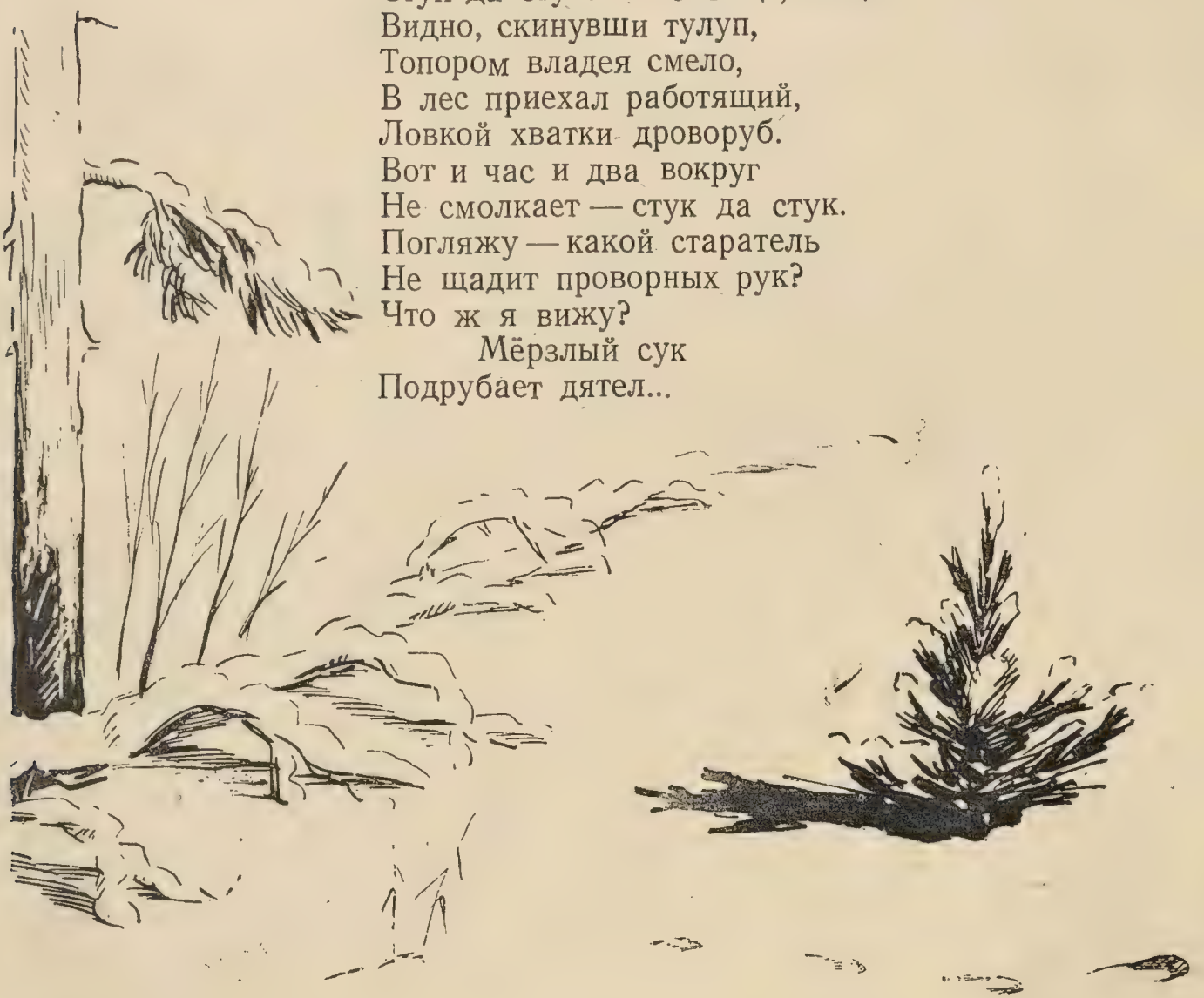
Евгений ФЕЙЕРАБЕНД

Ночуют зимою в лесу куропатки
В сугробе высоком,
Как в белой палатке.
Проходит своею дорогой лисица,
Она на сугроб мимоходом косится.
Не знает лисица,
Не видит,
Не чует,
Что хитрые птицы
Под снегом ночуют.
Сидят куропатки в глубоком снегу.
Они осторожны.
Молчат.
Ни гу-гу!

В лесу

Дмитрий ЗАХАРОВ

Стук да стук!— по роще белой,
Стук да стук!— всё чаще, чаще.
Видно, скинувши тулуп,
Топором владея смело,
В лес приехал работящий,
Ловкой хватки дроворуб.
Вот и час и два вокруг
Не смолкает — стук да стук.
Погляжу — какой старатель
Не щадит проворных рук?
Что ж я вижу?
Мёрзлый сук
Подрубает дятел...



Один за всех

Николай САДОВЫЙ

Участвуют: пионервожатая и председатель отряда Стёпа.

За столом сидит пионервожатая. Рядом с ней, переминаясь с ноги на ногу, стоит Стёпа.

Вожатая. Расскажи, Стёпа, как твой отряд готовится к сбору.

Стёпа. К фестивалю, Зоя Николаевна, наш отряд готовится, значит, так: наметили выпустить стенгазету, поставить пьеску на немецком языке, провести викторину «Знай свой город», сходить на экскурсию в музей, подготовить подарки почётным гостям и так далее...

Вожатая. Что ж, Стёпа, для начала неплохо. А что вы уже сделали?

Стёпа. Пока, Зоя Николаевна, мы ещё не сделали ничего.

Вожатая. Это почему же?

Стёпа. Да всё что-нибудь мешает. Решили мы выпустить специальную стенгазету о своём районе, а снимков для неё не приготовили.

Вожатая. Почему же это? Кто взялся сделать снимки?

Стёпа. Я взялся. Но не мог я, Зоя Николаевна. Честное пионерское. Мне же надо было разыскивать пьеску на немецком языке,

чтобы разыграть на фестивальном вечере.

Вожатая. Ну и что, подобрал ты пьеску?

Стёпа. А как же, Зоя Николаевна! Конечно, подобрал. Очень хорошую пьеску подобрал: «Красная Шапочка» называется. И пьеска весёлая, и действующих лиц всего четверо: Красная Шапочка, её бабушка, Волк и Охотник.

Вожатая. Молодец, Стёпа! Значит, вы уже начали разучивать эту пьеску?

Стёпа. Пока ещё нет, Зоя Николаевна.

Вожатая. В чём же дело?

Стёпа. Дело в том, что Волк пока не может участвовать в репетициях, потому что занят другим делом.

Вожатая. Какое же у Волка срочное дело?

Стёпа. Он готовит викторину «Знай свой город».

Вожатая. Кто же у вас играет Волка?

Стёпа. Я играю волка.

Вожатая. Опять ты?

Стёпа. Опять я, Зоя Николаевна.

Вожатая. Ну ладно, пусть будет так. Надеюсь, что с викториной у тебя всё в порядке. Уже подготовил её?

Стёпа. Нет, пока ещё не подготовил, Зоя Николаевна.

Вожатая. Что же тебе мешает?

Стёпа. Так я же, Зоя Николаевна, кручусь, как белка в колесе. Ничего не успеваю. Только хотел взяться за викторину, а тут надо бежать в музей — договариваться относительно экскурсии.

Вожатая. Надеюсь, ты не зря бегал? Договорился?

Стёпа. Почти. А вообще-то решил перенести экскурсию на следующий месяц.

Вожатая. Опять неладно! Что же всё-таки делает твой отряд?

Стёпа. Так я уже говорил, Зоя Николаевна. Готовим подарки гостям. Организовали сразу два кружка: переплётный и выпиливания.

Вожатая. Вот это уже хорошо! Что же вы успели смастерить?

Стёпа. Пока очень мало, Зоя Николаевна: ничего ещё не смастерили. Хотели сделать красивые записные книжки и выпилить узорные шкатулочки, но плохо дело с материалами — нет ни картона, ни фанеры.

Вожатая. Кто же обещал вам достать материалы? Неужели...

Стёпа. Вы угадали, Зоя Николаевна: опять я.

Вожатая. Послушай, Стёпа! Как это можно: за всё ты берёшься, всё хочешь сделать сам, а толку от этого никакого нет. Неужели всё это не могут сделать пионеры твоего отряда?

Стёпа. Почему же не могут, конечно, могут!

Вожатая. Зачем же ты берёшься за всё сам?

Стёпа. Да так надёжнее, Зоя Николаевна.

КАК ПОДРУЖКИ ПОССОРИЛИСЬ

Ольга КОРЖЕНЕВСКАЯ

Пьеска-шутка в одном действии

Действующие лица:

Валя, Лена — Ученицы первого класса.
Ведущий.

Действие происходит в доме Вали. Валя сидит за столом и учит уроки. На столе учебники. Портфель.

Валя *(читает по складам, медленно, вяло)*. «Грачата — самые ранние птенцы. Не успеют на деревьях распуститься листочки, а они уже кричат — есть просят». *(Облегчённо вздыхает.)* Ну, вот, наконец-то всё! Нам до этих пор задали читать. Дальше не обязательно. Учительница так и сказала: «Кто хочет». Я и не буду. *(Захлопывает книгу.)* Уже поздно, а мне ещё арифметику решать надо. *(Открывает задачник.)* Какие же примеры заданы? Записала где-то номера и потеряла *(ищет в портфеле)*. В портфеле нет. Вот и решай теперь, как хочешь! Схожу-ка я к Лене Воробьёвой спрошу. Она рядом живёт — к ней и вечером можно. *(Надевает вязаную кофточку и панаму. Раздаётся звонок. Валя открывает дверь. Входит Лена.)* Это ты, Лена? А я к тебе собралась. За примерами.

Лена. За примерами?! И я к тебе за примерами... Понимаешь, номера не записала.

Валя. Как не понимать — понимаю, хоть я так никогда не делаю. Я всё записала, но вот беда: бумажка, на которой номера записаны, куда-то завалилась... Найти не могу...

Лена *(сердито)*. Завалилась! Вот на тебя и понадейся. Настоящая ты Валя — всё у тебя из рук валится!

Валя *(ещё более сердито, перебивая Лену.)* А ты... ты... *(Думает, как бы её назвать.)* Настоящая Лена! Да, Лена: тебе номера записать, и то лень. Лентяйка, на других надеешься! *(В дальнейшем весь разговор идёт в повышенном тоне: обе кричат, торопятся, перебивая друг друга.)*

Лена. И вовсе не лентяйка!

Я номера запомнила — разве лентяйки запоминают? Правда, потом позабыла...

Валя *(не слушая её)*. Всё равно. Я лучше твоего сделала: Я записала, а ты не записала. Только бумажка была малюсенькая. Вот такая *(показывает)* — она и потерялась.

Лена *(стараясь перекричать)*. Нет, я лучше сделала: я номера в классе запомнила. Разве я виновата, что я их забыла?

Валя. Лучше сделала, так зачем ко мне пришла?

Лена. А ты зачем ко мне собралась идти?

Валя. Что же, что собралась? Это не считается, что собралась! Я, может быть, ещё и не пошла бы к тебе — очень надо! А вот ты уже прибежала!

Лена. Ну, так что же? Я могу уйти!

Валя. И уходи!

Лена. И не стану я с тобой больше водиться *(в дверях)*, просить будешь — всё равно не стану! Если получим завтра двойки, кто будет виноват? Ты! Твердишь: «Записала! Записала!» Я и сама видела, что записала. Только людей подводишь!

Валя. Это одна ты, Лена, двойку получишь, а я не получу!

Лена. Нет, ты получишь, а не я! *(Убегает.)*

Ведущий *(выходит на сцену; к публике)*. А как, по-вашему, ребята, кто из них двойку получит, и кто в этом будет виноват?

Занавес

В ЧАСЫ ДОСУГА

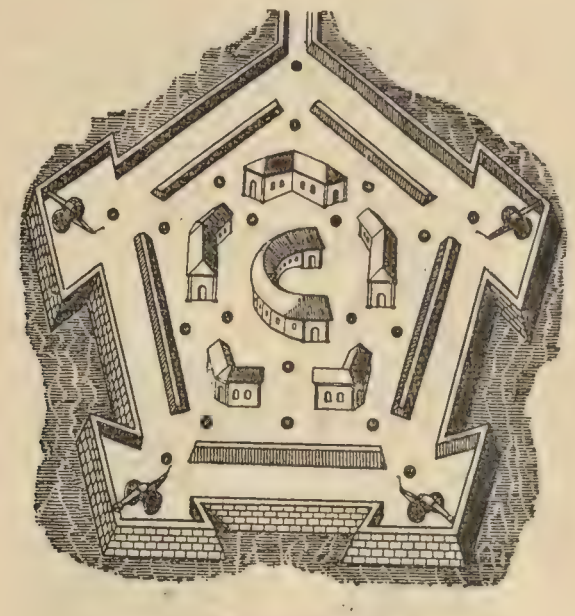
СУВОРОВСКАЯ ЗАДАЧА

Эту задачу-головоломку любил предлагать своим офицерам великий полководец А. В. Суворов, испытывая их сообразительность.

На схеме изображена старинная крепость, окружённая водой. Круглые сутки крепость охраняется часовыми, посты которых отмечены кружочками.

Дежурные офицеры проверяют посты. Выйдя из главного здания, нужно обойти все посты, не проходя по два раза мимо одного и того же поста, и возвратиться в главное здание.

Подумайте, как это сделать?



ПОСЛОВИЦЫ

Вспомни окончание напечатанных ниже пословиц. Правильно подобрать нужные слова тебе помогут точки, стоящие в конце каждой пословицы. Число букв в недостающем слове соответствует количеству точек.

1. Сражайся смело за родное...
2. Умелый боец — везде.....
3. Бей врага винтовкой — бей и.....
4. Народы Советской Страны Дружбой и братством.....

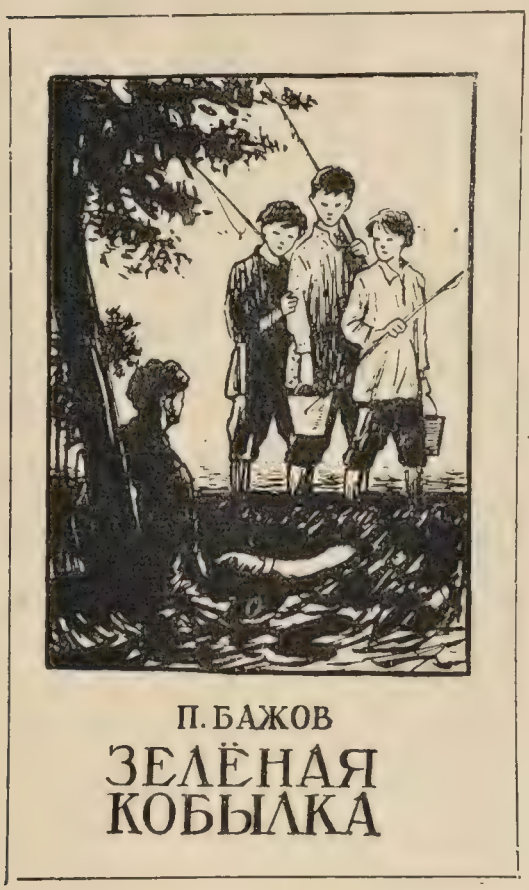
Слова патриота

Прочтите известное изречение великого русского композитора П. И. Чайковского о любви к своему народу.

Составил А. ХАЙТ

КНИЖНАЯ ПОЛКА

«ЗЕЛЁНАЯ КОБЫЛКА»



К книгам, которые всегда читаются с неослабеваемым интересом, можно отнести повесть «Зелёная кобылка» писателя П. П. Бажова (1879—1951 гг.). В ней рассказывается о жизни ребят дореволюционного уральского завода.

Трое десятилетних друзей-заединщиков, как они называли себя, тайно от родителей отправляются на рыбалку за большими окунями в соседний заводской посёлок Вершинки. Дорогой мальчики ловят большую ярко-зелёную кобылку, которая встречалась нечасто. Полураздавленную добычу несёт Петька. Колюшка и Егорушка завидуют. Петька важничает, говоря, что это он увидел и поймал кобылку.

«— Вот хвастун,— укоряют ребятишки своего друга.— Ещё бы не поймать, коли мы её оглушили!»

Рассерженные, они начинают искать в траве другую зелёную кобылку.

Солнце поднимается всё выше и выше, а Вершинки не приближаются.

«— Глядите, ребята, заведёт вас зелёная!»— предупреждает друзей Колюшка.

Проспорив напрасно из-за зелёной кобылки, они поздно приходят в Вершинки, а домой возвращаются в потёмках.

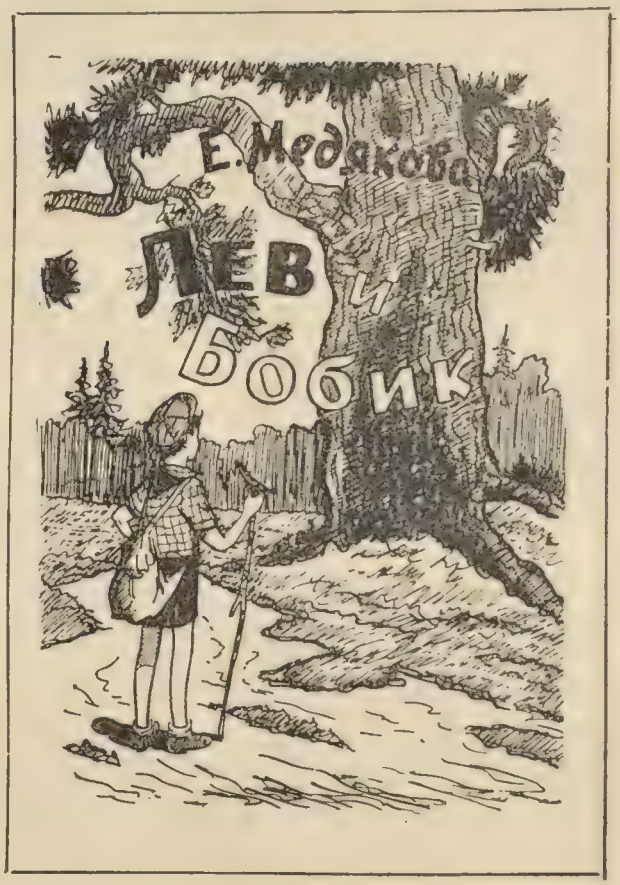
В это время полиция оцепляет лес, через который пробираются малыши: в нём скрывается революционер...

Долго не могли уснуть в эту ночь ребята, взволнованные событиями минувшего дня, участниками которых они неожиданно становятся.

Куда «завела» заединщиков «зелёная», чем всё кончилось, вы узнаете, прочитав эту замечательную повесть.

«ЛЕВ И БОБИК»

Для ребят младшего школьного возраста свердловская писательница Евгения Медякова написала книгу «Лев и Бобик». Содержание повести очень про-



стое, однако с каким интересом читаешь её!

К Орловым приезжают гости: папина сестра с сыном Борей. Мамы дома нет: она отдыхает в деревне с Галкой. Как быть? И вот папа, вызвав Лёву в кухню, предлагает ему ехать за мамой. «Лёва нахмурил брови (ему казалось, что так он выглядит серьёзным, мужественным человеком) и решительным голосом произнёс: «Что ж, я готов!»

Уезжая, мама начертила карту, с которой легче добраться до деревни.

Папа и Лёва, обсудив все мелочи, связанные с поездкой, принялись рассматривать эту карту.

«Вот видишь,— показал папа,— две тонкие линии — это железная дорога. Стрелка указывает, куда движется поезд. Квадратик — разъезд Еловка. От него надо идти вправо. Через километр-полтора встретится просека с высоковольтной линией... после просеки дорога делает петлю. Но сократить путь нельзя, видишь, мама написала «болото». Вот здесь дорога разделяется на две. Тут как раз условный знак, буква «Д». Что же это такое? — Папа посмотрел на Лёву, Лёва посмотрел на папу. У обоих в глазах было недоумение.

«Ведь вот говорила мама про какой-то приметный предмет. Ты не помнишь?»

Нет, Лёва не помнил, но помнил, что мама толковала о чём-то.

«Что же это такое «Д»? — вслух думал папа. Но сколько ни думали папа и Лёва, так ничего и не могли придумать. Они решили, что Лёва на месте выяснит, что же такое «Д».

И вот Лёва отправляется в путь.

Из дальнейшего повествования узнаём, какие необычайные приключения пережил Лёва, добираясь до деревни, как ему удалось разгадать, что за предмет был обозначен на карте буквой «Д».

ЮНЫЙ БАРАБАНЩИК

Песню о юном барабанщике вряд ли кто не знает из вас, ребята. Когда-то любил её петь Павлик Морозов, отважный уральский пионер.

Книгу своих стихов свердловская поэтесса Е. Хоринская назвала «Юный барабанщик» и посвятила её памяти Павлика Морозова.

Двадцать пять лет назад, 3 сентября 1932 года, кулаки зверски убили Павлика и его маленького братишку.

В стихах поэтесса показывает, каким был Павлик, за что его любили пионеры и односельчане и ненавидели враги.

Юным барабанщиком, смелым, отважным орлёнком называет его писательница. И хотя он:

Еще на свете прожил мало,
Но всюду Павлик впереди.
Он пионерский запевала,
Ребячий первый командир.

Глухой деревней, затерявшейся среди тайги и болот, была Герасимовка в то время. С трудом добираются до неё районные работники. Многие из них не возвращаются домой: сильны ещё там кулаки, ненавидят они советскую власть, которая несёт народу новую светлую жизнь. Кулаки всячески вредят: срывают хлебозаготовки, прячут хлеб в ямы, хотят провалить организацию колхоза.

Пионеры во главе с Павликом помогают коммунистам разоблачать врагов и их происки.

Люто ненавидят кулаки Павлика, преследуют его. Но Павлик не боится их, он верит в то, что в их деревне скоро будут трактора, новая школа, колхоз.

Кулаков прогоним из села!
Будет жизнь привольна, весела.

Отец Павлика — председатель сельского Совета. Случайно Павлик узнаёт, что:

Справки продаёт он кулакам,
Что они совсем не кулаки,
Что они крестьяне-бедняки,
Значит, помогает он врагам.

Павлик в отчаянии: отец, которого он любил, которому верил,— враг. И Павлик рассказывает об этом Зимину, представителю райкома партии, пионерам и на суде.

Опасность нависает над Павликом:

Следят за Морозовым Пашей
Кулацкие злые глаза...

А Павлик по-прежнему смел и весел: то он с пионерами ночью расклеивает листовки, разоблачающие кулаков, то проводит пионерский сбор, то выступает на общем собрании жителей Герасимовки, то пашет в поле, помогая матери, то идёт в тайгу по ягоды...

Однажды кулаки подкарауливают смелого пионера и осуществляют свой тёмный замысел...

Тепло и правдиво рисует поэтесса образ уральского орлёнка, смелого «юного барабанщика».

Двадцать пять лет — немалый срок. Всё, о чём мечтал Павлик, сбылось, нет лишь его, но, как и о юном барабанщике, никогда не умрёт о нём песня!

Прочитайте, ребята, эту книгу — книгу о вашем ровеснике.

★

ОТВЕТЫ К РАЗДЕЛУ «В ЧАСЫ ДОСУГА»

1. Суворовская задача.
2. Слова патриота:

«Я страстно люблю русского человека, русскую речь, русский склад ума, русскую красоту лиц, русские обычаи».

ПОСЛОВИЦЫ

Пословицы должны читаться так:

1. Сражайся смело за родное дело.
2. Умелый боец — везде молодец.
3. Бей врага винтовкой — бей и сноровкой.
4. Народы Советской Страны
   Дружбой и братством сильны.

114354

Областная Детская Библиотека
г. Свердловск

СОДЕРЖАНИЕ

М. Найдич. Родная армия. (Стихи). *Художник В. Яковлев.* . . . 3
А. Исетский. Слёт внуков. (Очерк). *Художник М. Кондратьева.* . 8
Е. Трутнева. «Этих дней не смолкнет слава». (Стихи). *Художник М. Бурзалов.* 17
В. Стариков. Солдаты впереди. (Рассказ). *Художник. Ю. Лихачёв.* 19
Л. Сорокин. Живая вода. (Стихи). *Художник В. Бубенщиков.* . . 27
А. Дрофань. Журка из Солнцеграда. (Рассказ). *Художник Ю. Лихачёв.* 28
В. Бычко. Мой брат — пограничник. (Стихи). *Художник Н. Моос.* . 31
Б. Рябинин. Двадцать три и один. (Рассказ-быль). *Художник В. Бубенщиков.* 33
Е. Ружанский. Наше славное знамя. (Стихи). *Художник М. Шестаков.* 37
К. Мальцева. Дочь большевика. (Рассказ-быль). *Художник Г. Контарович.* 38
Е. Ружанский. Спас. (Глава из повести). *Художник Н. Моос.* . . . 42
Э. Левин. Юные партизаны. (Рассказ). *Художник В. Жабский.* . . . 46
В. Бычко. Павлик Морозов. *Художник. М. Бурзалов.* 51
Е. Пермяк. Дедушкин характер. (Рассказ). *Художник М. Бурзалов.* . 53
Б. Глушков. Сыну. (Стихи). *Художник Е. Гилёва.* 56
И. Круглик. Лёня-«мясокомбинат». (Рассказ). *Художник В. Яковлев.* 58
И. Давыдов. Поздно. (Рассказ). *Художник Е. Гилёва.* 65
И. Истомин. Утро в тундре. Рыбаки, охотники. Авка. Пароход. (Стихи). *Художники Н. Моос, В. Крылов, М. Кондратьева.* . . . 68
В. Сырейщиков. Ковшик воды. Сто сорок сантиметров. (Рассказы). *Художник В. Кашкин.* 73
С. Егоров. На лыжах. (Стихи). *Художник Н. Моос.* 77
Н. Мережников. Спасибо! (Стихи). *Художник В. Кашкин.* 78

ОЧЕРКИ

Б. Дижур. Пройдёмся по дому, где живут камни. *Художник Л. Шорохов.* 79
Б. Цывьян. Алмаз. *Художник Н. Моос* 87

ДЛЯ МАЛЫШЕЙ

В. Клёпов. Весна Больших Морозов. (Рассказ). *Художник В. Крылов.* 93

О. Анатольев. Наша верная защита. (Стихи). *Художник П. Истомин.* 98

М. Керченко. Павлиний глаз. Паук-парашютист. (Рассказы). *Художник Н. Моос.* 99

С. Гершуни. Мой велосипед. Серёжа. (Стихи). *Художники В. Жабский, А. Карелин.* 104

Н. Сёмин. Как Витя решил задачу. (Рассказ). *Художник Г. Шуршин.* . 106

Н. Щербаков. Смекалка. (Стихи). *Художник Е. Гилёва.* 109

В. Еловских. Чебаки помогли. (Рассказ). *Художник М. Кондратьева.* 110

А. Гольдберг. Про жадность. (Стихи). *Художник М. Бурзалов.* . . 113

Е. Фейерабенд. Белая палатка. (Стихи). *Художник Н. Туманов.* . . 114

Д. Захаров. В лесу. (Стихи). *Художник П. Истомин.* 115

ШКОЛЬНАЯ САМОДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Н. Садовый. Один за всех. (Пьеса). *Художник Е. Гилёва.* 116

О. Корженевская. Как подружки поссорились. (Пьеса). *Художник М. Шестаков.* 118

В часы досуга. *Художник М. Шестаков* 120

Книжная полка 122

Ответы к разделу „В часы досуга“ 125

Обложка художника В. Квитки

Редактор *И. Круглик*
Художественно-технический редактор *Ю. Сакнынь*
Корректор *Г. Кожевникова*

*

Подписано к печати 8/VII 1958 г. Уч.-изд. л. 9,29.
Бумага 84×108$^{1}/_{16}$=4,0 бумажного —
13,12 печатного листа.
НС 02098. Тираж 15000. Заказ 84. Цена 5 р. 20 к.

*

Типография издательства «Уральский рабочий»,
Свердловск, ул. имени Ленина, 49.

5 р. 20 к.

СВЕРДЛОВСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1958